

НАТАЛЬЯ
АНДРЕЕВА

ЗА МИГ
ДО ПОЛУНОЧИ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Эра Стрельца

Наталья Андреева

За миг до полуночи

«Автор»

2015

Андреева Н. В.

За миг до полуночи / Н. В. Андреева — «Автор», 2015 — (Эра Стрельца)

ISBN 978-5-17-089640-0

Красавец стриптизер Монти любит женщин, которые по возрасту значительно старше его. Но однажды ему приходит в голову, что кто-то из этих женщин может оказаться его матерью. Ведь он вырос в приемной семье и ничего не знает о своих родителях. Эта мысль мучает молодого человека, и он проводит целое расследование по поиску родителей. Но в свое время три институтские подруги так тщательно скрыли правду о рождении у одной из них ребенка, что никто и не догадывается, чей же он на самом деле. Монти приглашает всех своих предполагаемых родителей на день рождения в ресторан. Ему и в голову не приходит, что копаться в старых тайнах небезопасно. Тайна раскрыта, и, несомненно, его жизнь изменится, но станет ли легче? Переиздание ранее выходившей книги «Принц Эдип».

ISBN 978-5-17-089640-0

© Андреева Н. В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

26 августа, около полуночи	6
Двадцать пять лет назад	11
Годом раньше	14
Наше время	26
Спустя четыре месяца 27 августа, за полночь	36
Двадцать лет назад	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Андреева

За миг до полуночи

Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые совпадения имен и событий случайны.

В жизни за все приходится платить и лучше уж самому назначить цену, чем дожидаться, пока выставят счет

© Н. Андреева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

26 августа, около полуночи

В двухэтажном здании милиции только что закончился ремонт. Запах краски не успел еще выветриться, стены сияли, полы блестели, потолки радовали глаз своей белизной, за новеньким стеклом, на котором красовалась надпись «Дежурная часть», широко зевал огромный краснолицый мужчина. Он только-только отгулял свой отпуск, и настроение было соответствующее. Все мысли еще там, на даче: баню с тестем так и не достроили, помешали дожди, а картошка в этом году совсем не уродится, так, мелочь. Однако копать все равно надо. И вообще: сейчас бы поспать! Полночь близится. Хотя бы полчаса простого человеческого счастья! Не перестроился еще, не вошел в рабочий график.

А телефон, как назло, все звонит и звонит! Ладно бы звонили по делу. Но стоящих сообщений, где есть криминал – раз, два и обчелся. Граждане словно издеваются над милицией. А иногда просто дышат в трубку и молчат.

23. 32. Молчат. Дышат. Наконец:

– Милиция?

– Она самая. – Вновь пауза. – Говорите. Да говорите же!

Взволнованный женский голос:

– Скажите, пожалуйста, есть закон, запрещающий смывать за собой после того, как сходишь в туалет?

– По большому или по маленькому? – зевая, осведомляется дежурный. Ему и не такое приходилось слышать.

– А что, есть разница?

– Гражданка, вы зачем в милицию звоните? – сердится он.

– У нас внизу собака. То есть две. Здоровенные овчарки. А мой муж ненавидит собак. После одиннадцати вечера он нарочно заходит в туалет и сливает воду. И так несколько раз подряд. На шум воды собаки тут же поднимают лай. У нас панельная многоэтажка, слышимость, сами понимаете. После третьего раза к нам поднялся сосед и пригрозил вызвать милицию. Скажите, он на нас жаловался?

– Нет, сигнала о том, что кто-то после одиннадцати вечера слишком часто ходит в туалет, не поступало.

– Он сказал, что действия моего мужа можно квалифицировать как злостное хулиганство.

– Ну, это вряд ли. Недоказуемо. Спите спокойно.

– Дело в том, что у моего мужа бессонница. И он ненавидит собак, – грустно повторила женщина. – Он сказал, что будет делать это каждую ночь, пока сосед снизу от них не избавится. От своих овчарок.

– Что ж теперь, всему дому не спать?

– Не знаю. Но я вас предупредила.

И женщина положила трубку. Дежурный вздохнул. Предупредила о чем? О том, что скоро у них будет труп ее мужа-собаконенавистника? Это зависит от того, насколько крепки нервы у соседа снизу. «Собачье» дело!

23. 45. Звонок.

– Але? Милиция? Ко мне в квартиру ломится пьяный мужчина! Срочно вышлите наряд!

– Совсем пьяный? – дежурный вновь не удержался и зевнул.

– Да, – отрезала разгневанная женщина. – В стельку. Ругается матом и угрожает. Оскорбляет меня. Орет.

– Что конкретно орет? – тупо переспросил измученный дежурный. Спать. Как же хочется спать!

- «Маша, открывай!»
- Ага! Значит, личность мужчины вам известна!
- Еще бы! Это мой муж!
- Гражданка, раз он муж, значит, имеет право находиться в вашей квартире! Он же там прописан! Прописан?
- Ну, допустим!
- Следовательно, это и его жилплощадь, и он имеет право.
- Зато я его пьяную рожу видеть больше не хочу! Я тоже имею право!
- Может, без милиции обойдемся?
- А если он ворвется и наставит мне синяков?
- Тогда и позвоните.
- Я вас предупредила! Тунеядцы! Сволочи! За что вам только деньги платят!

И разгневанная гражданка швыряет трубку. Дежурный зевает. С одной стороны, она права: дело может кончиться нанесением телесных повреждений. А с другой, пусть сами разбираются. Сегодня она его хочет в камеру засадить за хулиганство, а завтра утром будет требовать: «Верните мне мужа! Ему на работу надо идти!» Такое тоже случается. И дежурный тяжело вздыхает. Потом смотрит на часы.

23 часа 59 минут 02 секунды... 03... 08... День, слава тебе, закончен! Двадцать шестое августа. Можно подвести черту.

Звонок. Хриплый мужской голос:

- Милиция? В стриптиз-клубе «Дамские пальчики» лежит труп. Приезжайте. Срочно.
- Дамские па... Вы что, шутите?
- Какие могут быть шутки! Парень весь в крови! Голова тоже! И не дышит!
- Постойте... Какой парень? Какая голова?
- Парень, которым били. По голове. Бронзовый. А не дышит мужик. Который лежит. У туалета.
- Тьфу, совсем запутал! Кто говорит?
- Начальник охраны. Я тут на всякий случай все ходы-выходы перекрыл, чтоб ни однамышь, – мужчина перешел на шепот.

Дежурный в одно мгновение оценил ситуацию.

– Одну минуту. Переключаю на уголовный розыск...

...То, что в стриптиз-клубе обнаружен труп, Алексея Леонидова, дежурившего в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое августа, несколько не удивило. В таких заведениях без криминала никак не обходится. Приняв горячительного и вкусив развратных зрелищ, люди распоясываются и теряют над собой контроль. Наверняка, девицу не поделили. Бывает. Немного удивило, что убийство произошло в понедельник. Понедельник – день тяжелый. Как говорится, на раскачку. А они отношения взялись выяснять!

Он немного разволновался. Первое серьезное дело с того момента, как вернулся в уголовный розыск, уйдя из фирмы «Алексер» с поста коммерческого директора. Что называется, не потянул. Не его это. Помыкался месяц-другой и решил вернуться к родным пенатам. Приняли его охотно, кадров не хватает, особенно таких. О таланте Леонидова распутывать загадочные криминальные истории в уголовном розыске до сих пор ходили легенды. И вот не успел он впрячься в работу, как случилось это: труп в стриптиз-клубе. Клубничка, да поверх самые взбитые сливки! Пальчики оближешь! Десерт аккурат для желтой прессы, она любит полакомиться. Наверняка пронюхают. Появятся пикантные фотографии... Он подумал, что сейчас придется допрашивать полуобнаженных красоток с томными взглядами и невольно вздохнул. Соблазны, везде одни соблазны. Ночь. Стриптиз-клуб. Вино. Женщины. И как следствие: труп. Хорошо бы раскрыть дело по горячим следам! И – подальше оттуда! Из вертепа!

Когда он приехал на место происшествия, оказалось, что заявленный стриптиз не женский, а мужской. Так значилось на неоновой афише ночного клуба «Дамские пальчики». Ну, конечно! Надо было сразу догадаться! Выходит, не девицу не поделили, а парня. Леонидов не удержался и хмыкнул. Прокол номер один. Не полуобнаженных девиц придется допрашивать, а смазливых парней. Будем надеяться, что одетых.

Орудие убийства тоже показалось странным: бронзовая статуэтка обнаженного юноши, откровенно непристойная. Неизвестный скульптор с упоением трудился над гениталиями, а о лице как-то позабыл. У юноши, например, вовсе не было глаз. Алексей глянул на статуэтку, оценивая. Ширпотреб. Из бронзы, как сказал хозяин клуба. Но в протоколе осмотра места происшествия будет записано: «статуэтка желтого металла». Пусть эксперты делают заключение, из чего она изготовлена. На глазок прикинул: высотой двадцать пять – тридцать сантиметров, основание круглое, в диаметре сантиметров десять, толщиной около двух. Тяжелое, массивное, судя по всему, им и били. Основанием. И основательно. С чувством, с толком, с расстановкой, аж целых три раза, как сказал позвонивший в дежурную часть охранник, когда его переключили на уголовный розыск. Это тоже проверит экспертиза. Сколько били, когда именно наступила смерть. И откуда взялся такой осведомленный охранник? Это уже он проверит. Леонидов во второй раз хмыкнул и покосился на бронзового парня. Для ночного клуба больше подошла бы перестрелка или удар ножом. Убийца схватил первое, что под руку попало? Значит, в состоянии аффекта, находясь под действием винных паров. Но тогда на статуэтке должны остаться отпечатки пальцев. «Тогда дело простое, проще пареной репы», – сказал себе Леонидов и отправился к ожидающим представителей власти свидетелям.

Но когда Алексей увидел, кто находится в зале, ему стало откровенно не по себе. Эти люди ну никак не могли быть любителями мужского стриптиза!

Во-первых, он сразу же отметил красивую брюнетку на вид лет сорока, среднего роста, стройную и, сразу видно, ухоженную. Женщина была одета по последней моде: брюки-клеш, остроносые туфли на высокой шпильке, поверх блузки – кожаный жакет цвета «пьяная вишня». Угольно-черные волосы уложены в высокую прическу, в ушах ненавязчиво поблескивает нечто. Хороший вкус и средства есть. Какие, интересно проблемы могут быть у дамы, что она решила посетить мужской стриптиз? Неужели богатая и красивая женщина испытывает недостаток в поклонниках? Не похоже.

Рядом с ней высокий мужчина, импозантный, с ранней сединой на висках, которая ему очень идет. Он гладит брюнетку по плечу и тихонько уговаривает: «Ная, не волнуйся. Только не волнуйся...». Красавица изо всех сил старается не выдать волнения, но слишком уж бледна. И губы ее, отведавшие все той же «пьяной вишни», заметно подрагивают. Но держится хорошо.

Рыдает навзрыд веснушчатая толстушка с умопомрачительными бриллиантовыми серьгами в ушах. Рыдает почему-то в накрахмаленную салфетку, взятую со стола, а не в носовой платок, в нее же шумно сморкается. На пальцах у женщины сплошь золотые и платиновые кольца, один перстень с очень уж крупным изумрудом, вокруг него – бриллиантовая россыпь. И кулон под стать перстню. На запястье правой руки браслет. Гарнитур с изумрудами. Леонидов перевел взгляд с кулона на серьги, потом на перстень и невольно вздрогнул. На ней же украшений, мама родная! Квартиру в Москве можно купить за такие деньги, и надо же! Жива! «А кто же тогда труп?» – хочется спросить ему. В отличие от брюнетки веснушчатая своих чувств не скрывает. Сидит на диванчике, плачет, нисколько не заботясь о том, что помада на губах размажется, а нос покраснеет. Рыжеватые кудряшки растрепались, лицо покраснелось.

Рядом с любительницей бриллиантов, закинув ногу на ногу, сидит господин приятной наружности, в отличном костюме, при модном галстуке. Леонидов мельком взглянул на его левую руку, туда, где часы, и едва не присвистнул. Сразу понятно: у господина есть деньги. Много денег. Такие часы могут позволить себе только миллионеры. Что, этот тоже решил посе-

тить мужской стриптиз? Человек состоятельный, солидный, и, похоже, правильной ориентации. Хотя, попробуй их нынче разбери!

Вот кто безмятежен, так это блондинка. Средних лет, лицо красивое, но словно замороженное. На низком гладком лбу ни единой морщинки. С чего он вдруг подумал, что женщине за сорок? А потому что взгляд у нее усталый. Кого-то старят морщинки вокруг глаз, кого-то вялая кожа шеи, а ее – взгляд. Такое ощущение, что женщина много пережила. И труп в стриптиз-клубе не произвел на нее особого впечатления. Леонидов прикинул. Богата? Не похоже. Одета без изюминки и очень уж строго. Это простое темное платье с длинными рукавами не вяжется с обстановкой ночного клуба. Украшения скромные: тонкое обручальное кольцо на пальце, да на шее неброская цепочка. Она то и дело переглядывается с дамой в возрасте, так же строго одетой с абсолютно седыми волосами. Они очень похожи: прямые носы, аристократичные лица. Мать и дочь? Да неужели же дама пенсионного возраста заинтересовалась вдруг мужским стриптизмом?

Кроме того, в зале присутствуют двое молодых людей: девушка лет восемнадцати и мрачный субъект с неопрятными длинными волосами. Девушка одета в джинсовый костюмчик, лицо у нее тонкое, нервное, носик в веснушках, через плечо перекинута толстая, но короткая коса. И хотя она в модной джинсе, но кажется, что это какая-то ошибка. Ей бы романтическое платье с воланами, книжку в руки, и – в парк, на скамейку. Под липы, рядом с прудом, где плавают белые лебеди. Не может она интересоваться мужским стриптизмом, ну не может, и все тут!

Вот мрачный парень с длинными волосами – этот может все. Сразу видно: богема! У Леонидова глаз наметанный. Кажется, руки у парня испачканы красками. Художник? А, может, маляр-штукатур? На джинсах подозрительные пятна, вроде бы краска, но может, это мода такая? Сейчас молодежь так и ходит: на штанах дырки, потертость, а местами и пятна. Значит, парень следит за модой. А вот голову мог бы и помыть.

Больше в зале гостей нет. Алексей тут же вспомнил: понедельник. На входе он заметил табличку с надписью, что свободных мест нет. Выходит, закрытая вечеринка? И один из гостей убит. При нем обнаружены документы: водительские права. Личность установлена, о том, чем занимался потерпевший, расскажут вот эти господа, которые сидят в зале. Почему его убили? Алексей вновь подумал о странности этого дела. Потом он мысленно сделал подсчеты. Итого, значит, восемь подозреваемых. Минутку...

Он появляется из-за кулис: выходит на сцену, делает лихой пируэт, словно он не в стриптиз-клубе, а в Большом Театре, и замирает в изящной позе. Тянет при этом:

– О-о-о... А вот и милиция! Незваные гости! Был у меня праздник, а теперь что? Допрос? Надо же! Такой вечер испортили!

Леонидов с минуту смотрит на парня, открыв рот. Колоритная личность! Стриптизер? Да не может этого быть! Парень похож на кого угодно, только не на стриптизера! Высокий, тонкий, в белой рубашке с отложным воротом и черных кожаных штанах в обтяжку, он напоминает героя старого французского фильма, из тех, где такие вот лихие парни дерутся на шпагах за честь прекрасной дамы и лезут в окна по веревочным лестницам. Волосы светлые, чуть выющиеся, голова небольшая, изящно посаженная, руки и ноги маленькие.

– Вы – старший? – взгляд огромных карих глаз обращен на Леонидова.

– Пока да, – кивает он. – Прокуратура еще не объявилась. Задерживаются.

– Тогда разрешите представиться: Монти, – и шут в белой рубашке отвешивает Алексею изящный поклон. Ударение в «Монти» на первый слог, при этом парень смешно округляет рот. Губы у него слишком уж яркие, причем нижняя такая же пухлая, как верхняя. Забавно.

Парень совершает еще один пируэт вокруг шеста и спрыгивает в зал. Алексей невольно пятится и косится на присутствующих в зале людей:

– Послушайте, что вообще здесь происходит?

– А, собственно, ничего особенного, – говорит за всех «француз», пожимая плечами. – Просто у меня сегодня день рождения. А это вот, – и он широким жестом обводит присутствующих: – это вот мои дорогие гости...

Двадцать пять лет назад

– Ну, и чей же это мальчик? – старшая сестра роддома Мария Казимировна Новинская внимательно оглядела трех смущенных девушек, жавшихся друг к другу. Хороши! Ни стыда, ни совести, на такое решиться! Подкинуть ей новорожденного младенца! Ну, хороши! Одна из девушек была ее племянницей. Племянница единственная, любимая, дочь брата Станислава – Ада. Она же и заговорила:

– Тетя Мария, не спрашивай нас ни о чем. Просто возьми мальчика.

– Да куда же я его возьму! И как оформлю? Ада, как?

– Как-нибудь. Хотя бы как подкидыша, – потупилась Ада.

– И кто же принимал роды? Хотя, я, кажется, догадываюсь! – Мария Казимировна, женщина статная, высокая, старательно проговаривала каждое слово. Хотя говорила она без малейшего акцента – семья Новинских, выходцев из Польши, уже давно осела в России. Но стать истиной полячки осталась. И голос. Ах, этот голос! Ада чувствовала себя провинившейся школьницей. А тетка сурово сказала:

– Ах, мама, мама! Узнаю неугомонную Ванду! Что, решила покрыть грехи внучки?

– Тетя, ну зачем ты так! Бабушка Ванда ни в чем не виновата!

Бабушка Ванда, ныне пенсионерка, была потомственной повитухой. Тетя Мария пошла по ее стопам, а вот отец Ады тоже поступил в медицинский, но выучился на хирурга. Там он и познакомился со своей будущей женой. Сейчас родители Ады, оба врачи со стажем, уехали в командировку, в Монголию. На три года. А дочь, поступившую на первый курс Института культуры, оставили на попечении бабушки Ванды. И вот вам, пожалуйста! И года не прошло, как на руки тети Марии свалился пищущий сверток!

– А ну как это мой внучатый племянник? Да как же я могу отдать его в чужие руки?

– Ну, и возьми себе! – неожиданно грубо сказала Ада. Тетя Мария, несмотря на то, что ей недавно исполнилось тридцать пять лет, была незамужней и бездетной. С этакой-то статью! Но была она женщиной строгих правил и случайных людей до себя не допускала. А родить без мужа считалось у нее в семье несмываемым позором. Поэтому Мария Казимировна покачала головой:

– Девчонка! Что ты понимаешь? Себе! А, может, ты за подружку хлопчешь? Ну, девчонки, признавайтесь, кто из вас неделю назад рожал? Люся, ты что ли?

Полная, рыхлая Люся невольно поджалась. И прикусила губу.

– Люську-то хоть не трогайте! – вмешалась третья девушка. Обе ее подружки были кореными москвичками, а она лимитчица, с далекого Севера, жила в общежитии, поэтому и вела себя свободнее, да и на язык была бойчее. – Сами знаете, сколько на нее свалилось в это лето! Ну, берете мальчика?

– Ах, Ная, Ная! – покачала головой Мария. – Тебе-то ребенок уж точно ни к чему! Но девчонок-то хоть с пути не сбивай!

– А вы в мои дела не лезьте! Я здесь сама по себе! Лимитчица! И если вы мальчишку не пристроите, то мы и в самом деле подбросим его к дверям какого-нибудь роддома, да и дело с концом! Так что ли, девчонки?

– Ну-ну, – одернула ее Мария. – Горячая какая! Я же не сказала, что не возьму. А, ну-ка, посмотрим, кто тут у нас? Ах ты, маленький!

И, развернув сверток, она заворковала над младенцем:

– Ах ты, хорошенький какой! Ну, красавчик, просто красавчик! Волосики у нас светлые, а глазки синенькие!

– Какие же они синенькие? – вмешалась Ная. – По-моему, темные.

– А ты не вмешивайся, раз отдала ребенка! Это молочные глаза, они у всех детей одинаковы. А темные будут, или светлые, это уж как родители постарались.

И тут Люся неожиданно расплакалась:

– Нет, я так не могу! Ну не можем мы его вот так отдать! Не можем, и все!

– Помолчи, – одернула ее Ная. И с иронией добавила: – Тетя Мария знает, что делает.

– Да, знаю, – кивнула Мария Казимировна. – Есть у меня знакомые. Бездетная пара, оба уже в возрасте, давно стоят в очереди на усыновление. И хотят они именно мальчика, здоровенького, крепенького. И чтобы мать была здорова и из хорошей семьи. А вас троих я знаю. Это что касается здоровья, – и она кинула на девушек внимательный взгляд. – Да и вы за ребенка не беспокойтесь: люди солидные, обеспеченные. Он – доктор наук, она музыку в школе преподает. Хорошая семья. Я поговорю с главврачом, оформим все быстро и без проволочек. Тем более что ребенок – подкидыш. Не надо мать уговаривать, отказные письма писать. Подбросили и подбросили. Только уж и вы, девоньки, забудьте об этом раз и навсегда. Вам сейчас по восемнадцать...

– Мне уже девятнадцать, – тихо сказала Люся.

– Сolidный возраст! – невольно усмехнулась Мария Казимировна. – Будут у вас еще и мужья, и дети. Но про этого мальчика забудьте навсегда. Как не было его. Все у него будет хорошо. Мария Казимировна Новинская вам обещает, – с гордостью добавила старшая сестра роддома. И деловито осведомилась, не глядя ни на кого конкретно: – Рожала-то где?

– Мы были на даче, – поспешно ответила Ада. – С конца мая. Сессию сдали досрочно. Глухой поселок, дом на отшибе. Там бабушка Ванда и принимала роды.

– Все трое, что ли там жили? С мая месяца? И что, одна с животом ходила, а две другие подушки подкладывали? А к чему такая тайна?

– Чтобы никто не узнал правды, – тихо сказала племянница.

– Мы решили, что будем заодно, – всхлинула вдруг Люся. – И... стыдно было. Вместе-то сподручнее.

– Значит, совесть еще не окончательно потеряли. Эх, подружки, подружки! Повсюду-то вы втроем ходите! Значит, на троих и грех будет. И на Ванде. Хоть она мне мать, и родителей почитать надо, но в этом случае я ее осуждаю. Хотя работу свою она сделала хорошо. Мальчик чистенький, пуповина обработана, да и мамаша, я смотрю в порядке.

Мария Казимировна еще раз внимательно оглядела девушек, пытаясь определить, у которой туго перетянута грудь, чтобы молоко поскорее пропало. Но больше ничего не сказала. Деловито стала заворачивать ребенка в одеяльце. Все трое в последний раз жадно заглянули в сверток.

– Пока, малыш, – тихо сказала Ада.

– А, ладно! – беспечно махнула рукой Ная. – Чему быть, того не миновать!

А Люся промолчала и в который раз всхлинула. У нее слезы были близко. В детстве так и дразнили: плаксой. Когда Мария Казимировна ушла, прижимая к себе сверток, девушки еще какое-то время стояли, подавленные.

– Ну, пошли что ли? – грубо сказала Ная. – Чего тут делать?

– Не будет нам в жизни счастья! – отчаянно сказала вдруг Люся. – Ну не будет, и все тут!

– А ты не каркай, – усмехнулась Ная. – Слышала, что тетка Мария сказала? Будут у нас еще и мужья, и дети. Я, например, медлить не собираюсь. И года не пройдет, как выскочу замуж. Как только попадется умный, богатый и красивый, так сразу.

– Ой, не знаю, – боязливо пожала плечами Ада. Статью она пошла в Новинских, была высокой, стройной, светловолосой. Словом, девушкой видной. Но такой же надменной и холодной, как тетя Мария. И осторожной. – Ничего про себя не знаю.

– А я должно быть, никогда-никогда не выйду замуж! – заявила рыжеволосая Люся. – Ну, кому я нужна такая?

– Однако один нашелся, – лукаво заметила Ная.

Из трех девушек, она одна чувствовала себя уверенно. И не собиралась прислушиваться ни к словам Марии Казимировны, ни к нытью подруги Люси. Жизнь продолжается! Август кончается, а осенью – новые проблемы.

– Я уйду в академический отпуск, – неожиданно заявила она. – Так что на лекции теперь ходить будете без меня.

– Как это в отпуск? – заволновалась Ада. – Ная, да ты что? Тебя же из общежития попросят!

– Ну и пусть! Я уезжаю с археологической экспедицией. На юг страны. В пустыню. Глиняные черепки, бородатые археологи, песни у костра под гитару. Романтика! А библиотекведение – это не мое. Сразу поняла: не мое, и все тут. Год перекантовалась в общежитии – и хорошо. Перевестись в хороший вуз не удалось – плохо. Очень плохо. Но еще целый год я лично терять не собираюсь.

– Так ты что, из академки к нам не вернешься?! – в ужасе спросила Люся, которой в отличие от подруг пришлось поступать дважды, и она была безумно счастлива, что учится теперь в Институте культуры.

– Вряд ли, – покачала головой Ная. – Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает, так что ли, подружки? Как сложится. В любом случае: спасибо вам за все! Но на этом наши пути расходятся.

– А как же Дима? Ты что, и его бросишь? – с удивлением спросила Ада.

– Подумаешь, сокровище! – тряхнула Ная черными кудрями.

– Зря ты так, – переглянулись подруги. – Такими парнями не бросаются.

– Какие наши годы! Еще лучше найдем! – И Ная лихо рассмеялась. – Ох, и дам я чертей бородатым археологам! В бараний рог скручу! И в следующем году непременно – замуж!

– Смелая ты, – грустно сказала Люся. – А я вот жизнь хочу прожить потихоньку. Не высовываясь. И того, что случилось сегодня, мне никогда не забыть!

– Надо забыть, – твердо сказала вдруг Ада. – Что было, то прошло. Ная права. Этого ребенка мы никогда больше не увидим. И слава Богу! – с чувством добавила она.

Годом раньше

Ная

...Она прилетела в Москву ранним июньским утром, из далекого северного городка под названием Игарка. С аттестатом зрелости, в котором было четыре «четверки»: по физике, химии, алгебре и геометрии. Все остальные «пятерки». Сошла с трапа самолета: в одной руке чемоданчик, в другой авоська и теплое пальто. В авоське резиновые сапоги. Кто-то из провожающих сказал, что в Москве и летом холодно и сыро, а от Игарки столица отличается только отсутствием вокруг тайги и злющих комаров. Ну и домов побольше, а сами они малость повыше. В Москве оказалось так жарко, что за теплое пальто и резиновые сапоги Нае сразу же стало стыдно. Вокруг были нарядные, модно одетые люди, дома показались огромными, машин было так много, что Ная испугалась. Как бы под колеса не угодить! Каких же глупостей наговорили провожающие! После Игарки столица произвела на нее угнетающее впечатление. Ная почувствовала себя жалкой провинциалкой и с отчаянием подумала: «Никогда я не покорю этот город! Никогда!». Сапоги Ная затолкала в первую попавшуюся урну и тут же побежала по магазинам одеваться по столичной моде. Поздно вечером, отстояв в трех огромных очередях, она доплелась до квартиры маминой дальней родственницы. Такой дальней, что оставаться у нее надолго было просто неприлично.

Разумеется, прилетела она в столицу затем, чтобы стать знаменитой актрисой. С такой яркой внешностью и с такими талантами! Но ошибку свою Ная поняла быстро. Это у себя в Игарке она была звезда, а здесь таких звезд – и не сосчитаешь! Наскоком эту крепость не взять! Ная была умницей. Апломб апломбом, но ситуацию надо оценивать трезво. На улицах Москвы оказалось так много красивых девушек, что она среди них затерялась. Ная чуть не плакала, когда увидела, как ей до них далеко! Затолкав в урну резиновые сапоги и надев туфельки на шпильке, от налета провинциальности не избавишься. Надо научиться правильно ходить, а, главное, правильно говорить. И деньги, которые дала мама, довольно-таки большую сумму, она мгновенно потратила не по глупости своей, а по одной-единственной причине: чтобы раз и навсегда отрезать себе путь к отступлению. Потому что Нае теперь до смерти не хотелось возвращаться в Игарку кормить комаров. Ей надо было во что бы то ни стало зацепиться за столицу. Город ее пугал, но он ей уже безумно нравился. Огромный, шумный, полный соблазнов. Вот это была жизнь!

– Вы, Наина Львовна, девушка такая красивая, что вам прямая дорога в актрисы, – жмурясь, словно кот на сметану, говорил толстый лысеющий мужчина, муж той самой дальней родственницы, у которой она остановилась. – Однако я советую вам годик-другой поработать, пообтесаться в столице, так сказать. А жить вы можете у нас.

Ная уже провалилась на первом же туре в Щукинское училище и теперь готовилась штурмовать школу-студию МХАТа.

– Если ты через неделю отсюда не уберешься, я тебя выставлю вон с милицией, – пригрозила жена толстяка после очередного провала юной «племянницы» в первом же туре.

– Мы же родственники! – обиделась Ная. – Как вы можете?

– Родственники! Седьмая вода на киселе! Понаехали тут! – взвизгнула женщина. – Короче – собирай свои вещи и проваливай! А если мой возражать будет, я пойду прямо к парторгу, и ему всыплю по первое число! Кстати, могу устроить тебя в заводское общежитие.

– Хорошо, – кивнула Ная, у которой не оставалось выбора.

Но заводское общежитие произвело на нее угнетающее впечатление. И сам цех, куда ее привели, тоже. Ная быстро смекнула, что путь в актрисы от шлифовального станка такой длинный, что никакой ее красоты не хватит. Работа тяжелая, изматывающая, о руках придется забыть раз и навсегда, ногти срезать до мяса, а после года такой каторги никакая учеба в голову уже не полезет. Сама родственница работала в заводской библиотеке. Сидела в чистенькой комнатке, на окнах белые занавесочки, на подоконнике цветы, льготы те же, что и у рабочих: профсоюзные путевки, премия, талоны на питание.

– И где же этому учат? – спросила Ная, когда, показав ей общежитие и цех, родственница повела в книгохранилище, пить чай.

– Чему учат?

– Благородному библиотечному труду! – фыркнула Ная.

– А ты не остри. У меня, между прочим, имеется диплом о высшем образовании! Что соответствующе оплачивается.

– Какой диплом? – прищурилась Ная.

– Диплом Института культуры, – с гордостью ответила женщина.

– А конкурс там большой?

– Не очень. Скорее, маленький.

– А общежитие есть?

– И общежитие есть, – благосклонно кивнула родственница.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Ная.

И через день съехала от нее в общежитие, сдавать вступительные экзамены в Институт культуры. В актрисы оттуда тоже было недалеко, хотя на другом факультете, КПР, где готовили культпросвет работников, была, например, такая специальность, как режиссура. И народный хор. И хореография. Но, покрутившись там, Ная на этот раз решила не рисковать. Ведь у нее оставалось так мало времени! Первый поток уже сдал экзамены, она попала во второй, и если провалится и на этот раз, придется идти работать на завод. Или ехать назад, в Игарку. Она мгновенно приняла решение: на библиотечный факультет, где конкурс маленький. Первый год уйдет только на то, чтобы зацепиться в Москве. И осмотреться. Потом можно будет попробовать перевестись на КПР. Многие из девушек, сдававших вступительные экзамены вместе с ней, говорили именно так:

– Потом можно будет перевестись.

Почти для всех это оставалось несбыточной мечтой. Но Ная сдаваться не собиралась. Вступительные экзамены она сдала отнюдь не с блеском, но проходной бал набрала. Еле-еле, но хватило. И койка в общежитии была закреплена за ней на целых четыре года. Это если не иметь «хвостов» и не заваливать сессию. Она немного успокоилась, осмотрелась и начала действовать. Терлась на факультете КПР, заводила знакомства, стала ходить в местную театральную студию. Ей улыбались, но, увы, не продвигали! Уже через полгода Ная поняла, что не так все просто. Яркая внешность? Голос? Но ведь этого мало! Есть девушки не менее красивые, коренные москвички, из хороших семей, со связями. И те не могут пробиться. Она поняла теперь, почему провалилась в первом же туре на экзаменах в театральное училище. Все очень просто: у нее нет таланта. Москва город большой, дарований здесь хватает. И конкуренция большая. А у нее только четыре года! Даже меньше. И о своей мечте стать актрисой придется забыть раз и навсегда. Но что же делать? К чему стремиться?

Пришлось задуматься о своей судьбе всерьез...

... С Люсей и Адой она познакомилась перед аудиторией, в которой сдавали литературу устно. Девчонки стояли у окна и дрожали от страха, Нае пришлось их подбадривать. Сдавать экзамен она отправилась одной из первых и не меньше часа прождала потом робких абитуриентов, которые вышли из аудитории одна за другой. И, как ни странно, обе получили «пятерки», в то время как Нае поставили «четверку».

– Я уже во второй раз, – поежилась рыженькая Люся. – Боюсь ужас как! В прошлом году провалилась, одного балла не добрала.

– А у нас в семье все врачи, – вздохнула высокая, светловолосая Ада. – Но я не хочу в медицинский. Мне туда ни за что не поступить! В аттестате сплошные «тройки». Мама сказала: «Хоть бы куда-нибудь тебя пристроить». Они с отцом уезжают на три года в Монголию. За бабушкой надо присматривать, она уже старенькая. Вот и решила в институт, здесь конкурс маленький. Денег обещали присылать много. Мама сказала: учись до нашего приезда, а там видно будет.

– А если вдруг не поступишь? – прищурилась Ная.

– Я поступлю, – уверенно сказала Ада. И подружки догадались, в чем тут дело, но промолчали. Если кто-то из преподавателей Института культуры обязан жизнью Адиному папе, известному хирургу, так что ж? Каждый устраивается в жизни, как может.

Зато Люсины «пятерки» были заслуженными. Она зубрила днями и ночами и переживала перед каждым экзаменом до слез. Досадный провал в прошлом году не давал ей спать спокойно. Втайне Ная думала, что отличные оценки рыженькой ставят из жалости. Она никогда не принимала Люсю всерьез.

Поступили все трое, были зачислены в одну группу и стали подругами не разлей вода. Везде вместе: на занятиях сидят вместе, в кино идут вместе, в кафе вместе, на танцы вместе. Ада, у которой денег было побольше, частенько платила за всех. Люсины родители тоже неплохо зарабатывали, но дочь не баловали. Зато ее брат, студент престижного вуза, знал, как вытянуть у них деньги. Люся никогда не жаловалась. Брата она обожала так же, как и отец с матерью, и готова была пожертвовать ради него всем.

Первой роман закрутила, естественно, Ная. Мысль об удачном замужестве не раз приходила ей в голову. «Ах, если бы выйти замуж за москвича! Сколько проблем сразу будет решено! Прописка, жилье, деньги...». Но оказалось, что богатые, обеспеченные жильем москвичи, имеющие престижную работу, не спешат жениться на бедных лимитчиках. И на танцах к красавице Нае подошел такой же иногородний студент. И жил он тоже в общежитии, в комнате на шесть человек. Красивый, умный, добрый, но... не москвич! И хотя Дима подрабатывал в свободное время, где только мог, Ная его всерьез не воспринимала. А потом она узнала, что Дима на деньги играет в карты, в преферанс, как многие в их вузе. И испугалась:

– Тебя посадят! Или убьют!

– Все честно. И публика собирается солидная. Я никого не граблю, зарабатываю деньги собственным умом.

– А он у тебя есть? – съязвила Ная.

– Как видишь: я ведь все время при деньгах, – слегка обиделся ее поклонник. И у Наи заблестели глаза. Деньги она любила. Очень. А занимать у Ады было уже неловко.

Дима стал возить ее в рестораны, делать подарки. К общежитию любимую девушку всегда подвозил на такси. Старенькая вахтерша смотрела на него ласково, на многое закрывая глаза. Ная подозревала, что в студенческий билет, который Дима оставляет на вахте, каждый раз вложена денежная купюра, но предпочитала вопросов не задавать. Подкупает, значит, не хочет, чтобы в одиннадцать его выпроваживали из общежития наравне со всеми. Она знала, что их отношения никогда не будут серьезными, но, почему бы нет? Была история, которую она никогда не рассказывала подругам. О том, что чемодан-то ей мама собрала после того, как застала в постели с одноклассником наутро после выпускного. А потом и соседи ей кое-что порассказали. На семейном совете было принято решение: с глаз долой беспутную дочь! Такая и в столице не пропадет! Москва в далекой Игарке считалась городом вселенского разврата. Ная сама както предложила Диме остаться на ночь. И была крайне удивлена, когда наутро пылкий юноша сказал:

– Выходи за меня замуж!

Ная рассмеялась:

– И что дальше? Где мы будем жить? На твоей койке? В компании пятерых парней? Или мне каждый раз соседок выгонять? «Извините, девчата, муж требует исполнения супружеских обязанностей, так что идите, погуляйте!» Нет, милый. Мне восемнадцать, тебе двадцать. Тоже мне, муж!

Ная не удержалась и фыркнула. А потом грустно добавила:

– Если поженимся, то Москва нам не светит. Что у тебя с распределением? Молчишь? То-то! Женатых молодых специалистов здесь не оставляют, потому что надо давать жилье. Поедешь в провинцию, работать на заводе, от которого тебе дадут ту же койку в мужском общежитии, а мне в женском. И сколько лет мы так будем жить, Дима? – тихо спросила она. – Пока не состаримся? Нет, милый, я так не хочу!

– Чего же ты хочешь? – спросил Дима, побледнев.

– Не знаю. Море, солнце, пальмы! Белый пароход! Романтики хочу! Денег хочу, наконец!

– Деньги у меня есть, – серьезно сказал он.

– Ну, разве это деньги? На кооператив все равно не хватит. И прописка нужна. Без московской прописки ничего не выйдет. На машину тоже не хватит. А я машину хочу! Да, хочу! И тебе еще учиться не один год. А потом могут в армию забрать. Ведь могут? И куда мне? К родителям? К своим не вернусь, твоих не знаю. Может, они и хорошие люди, но больше всего на свете я лично ценю свободу. Так что извини, милый: нам не по пути.

Она уже томила. Сидение на лекциях угнетало, необходимость дважды в год сдавать экзамены тяготила. Ей вдруг захотелось романтики. Уехать далеко-далеко... И даже мысль о том, чтобы стать актрисой казалась теперь детской и смешной. Сколько их таких, приезжает в Москву? И почему она решила, что именно ей выпадет счастливый лотерейный билетик? Уехать... Уже не раз, с отчаянием отбросив учебник библиотекведения, Ная кричала подругам:

– Хватит. Надоело! Не могу я так больше! Не хочу!

Наконец, на горизонте появился бородатый археолог, и, послушав, как Ная поет под гитару, стал сманивать в экспедицию.

– Ты негаданный, незванный, – пела она, нежно поглядывая на археолога, который засиживался теперь допоздна, – что не вовремя пришел. Не ходи в мои поляны, коли луг себе нашел...

Дима при этих словах бледнел. Он словно чувствовал, когда к его девушке должен прийти бородатый гость, и сам появлялся неожиданно и без приглашения, сидел, слушал. И все больше и больше тосковал.

– Я люблю тебя! – услышала, наконец, Ная. – Очень тебя люблю!

– Это ничего не меняет, – ответила она.

...Это случилось весной. Одна из подружек уже поняла, что беременна, и надо было срочно решать проблему. Но решить ее оказалось не так-то просто. С абортom уже опоздали. Выход был один – рожать. Но это были времена, когда незамужние женщины, забеременев, еще боялись огласки. И в институте на это посмотрели бы косо. Могли и выгнать с позором за аморальное поведение, отчитав на комсомольском собрании. Оставалось одно: скрывать. И уповать на досрочную сдачу сессии, на то, что до мая никто ничего не заметит. И Ная внезапно подумала: когда все утрясется, надо бросить институт и уехать в экспедицию. Она написала заявление об уходе в академический отпуск втайне, когда поняла, что сессию не сдаст. Тем более досрочно. А подружкам ничего не сказала. Диму же отвалила раз и навсегда, сказав, что любовь меж ними кончилась и у нее теперь другой.

– Нам надо держаться всем вместе, – подбадривала Ная плаксу Люсю и боязливую Аду. – Круговая порука в таком деле – самое верное. Рожать в августе, три месяца поживем на даче. В сентябре колхоз, достанем липовые справки. У Ады есть знакомые медики. И бабушка Ванда

нам поможет. Главное, чтобы никто ничего не узнал. Вот если бы одна из нас могла взять ребенка! До лучших времен. Но я-то уж точно не могу...

А Дима о ребенке вообще ничего не знал. Так же, как и двое других...

Люся

В семье она была словно чужая. Родители Люсю постоянно попрекали. То много ешь, то вещей не бережешь, то неряха, то неумеха. Старший брат – тот царствовал. Умница, красавец, круглый отличник. Веснушчатая пышечка Люся была младше на два года, и она всерьез считала, что ее родили только затем, чтобы у Его Величества была бесплатная прислуга. Чтобы было кому выслушивать его жалобы на дураков-преподавателей, убирать вещи, которые он разбрасывал по всей квартире, мыть за ним посуду, стирать белье. Родители с этим уже не справлялись. Во-первых, оба работали, а во-вторых... По их мнению, дочка не удалась. Веснушчатая, толстая, рыжая. Глупая, потому что не круглая отличница, как брат. И бесхарактерная. Поскольку ничего ей в жизни не добиться, пусть будет на побегушках у того, кто, без сомнения, со временем станет гордостью семьи.

Старший брат учился в престижном техническом вузе, именно он и пригласил подружек на танцы, где Ная встретила своего Диму. Как-то вечером нехотя бросил сестре:

– У тебя ведь наверняка есть подружки. А мне поручили подобрать контингент. Завтра заеду, что-нибудь выберу.

Брат активно занимался общественной работой. Организация вечеров входила в круг его обязанностей. Ему давали пригласительные билеты, которые надо было распространить среди студенток. И вот Слава заехал за сестрой на новеньких «Жигулях» и теперь рассматривал, нисколько не стесняясь, выходявших из здания института девушек. И скалил зубы:

– Вот что значит бабский факультет! Полно хорошеньких!

«Жигули» первой модели, «копейку», получил недавно по очереди отец, передовик производства, каменщик – золотые руки. Пять лет отстоял, пока на общем собрании, в торжественной обстановке ему не был вручен заветный талон на покупку машины. Но ездил на ней, естественно, любимый сын. Ада и Ная, увидев красивого, модно одетого парня, да еще на новенькой машине, засмутились и, сказав подружке «пока», побежали в ближайший магазин. Якобы за хлебом. Брат долго смотрел им вслед, а Люся непонимающе спросила:

– Что значит «подобрать контингент»?

– Пригласить на танцы побольше хорошеньких девушек, балда! Тебя это не касается. Но эти две – ничего. И даже очень ничего. Беру! Но ведь без тебя они не пойдут?

– Я... не знаю.

– Не пойдут, – уверенно сказал брат. – Я же вижу: круговая порука. Один за всех и все за одного. Так что ли? – он рассмеялся. – Вот и давай: действуй. Кстати, блондинка – это кто?

– Ада. А темненькая Ная. Наина.

– Ада, значит, – задумчиво протянул брат. – А почему Ада? Странное имя!

– Ее предки были поляки! – с гордостью за подругу сказала Люся.

– Вот, значит, как! Ада из ада! Хотя, сама светленькая, хорошенькая. Из ада скорее та, другая. Брюнетка. Девочка что надо! Заманчиво! Ну так что? Приведешь? – грубо спросил брат.

Люся ни в чем не могла ему отказать. Величество приказало – рада стараться. Ведь она всего лишь прислуга, которая должна исполнять все его прихоти. И работу библиотекаря Люся выбрала только потому, что она была спокойной. И можно было, сидя в маленьком филиале, за столиком, на котором аккуратно расставлены формуляры, вязать, допустим, шарф брату. Или теплый носок. Она уже присмотрела себе место работы: на первом этаже дома, который находился в соседнем дворе. Сейчас там сидела сухонькая старушка в круглых очках, похожая на

сову, но через несколько лет старая библиотекарша уйдет на пенсию. И там, в двух комнатах, будет царить Люся, которая к тому времени как раз закончит институт. Ох, как же ей там будет хорошо! Надо только за цветами хорошенько ухаживать, а то у старушки они вянут. Купить голубенькую лейку, с розочками. Принести из дома герань. Зажмурившись, Люся представляла эту лейку, белые занавесочки, душистую герань на окошке. И даже чувствовала ее запах. Вот оно, счастье! О другом Люся и не мечтала. Замуж ей не выйти, с такой-то внешностью и характером. Мямля. И робкая: глаза в пол, с парнями даже заговорить стесняется. Что ж, будет нянчиться с племянниками, детьми брата, как нянчится сейчас с ним самим. Сердце у Люси было доброе.

И она чуть ли не каждый день заходила в крохотный филиал. Приносила старушке домашнее печенье и рассказывала о занятиях в институте. Та все понимала и каждый раз, вздыхая, говорила:

– Уж я, Люсенька, придержу это место для вас. Конечно, вы и сейчас можете работать, переведясь на заочное отделение, но с образованием-то лучше. Учитесь, Люсенька. Вам еще четыре года учиться.

И Люся понимала, что уходить на пенсию ей не хочется.

Она же была девушкой доброй, и, что называется, без крыльев. С одной-единственной мечтой: о месте библиотекарши в филиале, в соседнем дворе. И на танцах привычно подпи- рала стенку. Почти всю осень. Ная танцевала с Димой, Ада с ее братом, Славой. Иногда с дру- гими. А Люся смотрела на них, умиляясь. Она несколько не завидовала, ну ничуть! Так уж распорядилась судьба. Одним царить, другим стоять в сторонке, на обочине жизни. И когда скромный молодой человек в мешковатом костюме, краснея, спросил:

– Разрешите?

Люся удивленно оглянулась. Кому это он? Но поблизости никого из девушек не было, и, ткнув пальцем в грудь, она с неподдельным удивлением спросила:

– Я?

– Извините, – еще больше засмутился молодой человек. – Если я что не так...

– Нет-нет! Что вы! Я готова!

И она одернула юбку, словно пионерка, которую назначили в почетный караул. И сделала шаг навстречу симпатичному молодому человеку.

Он был среднего роста, коренаст, широк в плечах, лицо приятное. Хотя приглядеться к нему повнимательнее она так и не решилась. Танцевала, глядя в потолок и чувствуя, как лицо заливает краска.

– Вы откуда будете? – спросил ее партнер. Держался он от Люси на почтительном «пио- нерском» расстоянии.

– То есть?

– Откуда приехали?

– Ниоткуда. То есть, я из Москвы.

– Так вы москвичка? – сказал он с уважением! – А я думал, тоже деревенская. Своя. А я с-под Тамбова. По направлению.

– Как-как?

– В Плехановском учусь. На экономиста, – с готовностью пояснил молодой человек. Он заметно смутился и говорил сбивчиво. – Целевое направление. Колхозу нашему шибко эконо- мисты нужны. Передовой колхоз! Сила! Как с армии пришел, так меня сюда направили. Считать умею шибко быстро. Три года обязательно должен потом отработать. В колхозе. Меня друг сюда пригласил, он тут и учится. Тоже с-под Тамбова приехал. Тамбовские мы. Из села. Одноклассники. А вы, значит, москвичка... А как вас зовут?

– Люся.

– А меня Петя. Петр то есть. Люся, можно я потом еще с вами потанцую?

– Конечно, – с готовностью кивнула она.

– Что это за чучело? – спросил брат, когда кавалер оставил Люсю и скромненько отошел в сторонку.

– Это Петя, – краснея, сказала она. – Будущий экономист, по целевому направлению. Из Тамбова.

– Ха-ха! Ну и урод! А костюмчик на нем! А? Умора!

Брат еще долго заливался смехом, но Люся впервые проявила характер. Она еще и еще раз танцевала с Петей и даже пригласила его к себе домой. Родителям Петя, естественно, не понравился.

– Если б москвич, – с сожалением сказал папа. – Хоть бы такому увальню тебя на руки спихнуть. Но о том, чтобы он здесь поселился, и думать не смей! Поняла? Тем более о детях. Только лимиты нам здесь не хватало! Плодить!

– А может быть... – робко заикнулась мама.

– Цыц! Дура. Я сказал: нет. И точка. – Отец положил на стол тяжелый кулак и выразительно посмотрел на дочь. Люся невольно втянула голову в плечи. Раз папа сказал...

Сам он приехал в Москву из деревни, лет тридцать назад. И женился на такой же лимитчице, маляре-штукатуре. Долго жил с женой в общежитии, потом в коммуналке. Там же и детей завели, чтобы в итоге получить хорошую трехкомнатную квартиру. И вот теперь был категорически против «лимиты» в собственном доме, а своих детей называл коренными москвичами. Сын был с ним целиком и полностью согласен.

С Петей Люся стала встречаться тайно. Нравился он ей, и все тут. И в Люсиных мечтах он занял достойное место. Она теперь представляла, прикрыв глаза, как вяжет теплые перчатки Пете, сидя в своем филиале. Или носок. Однажды, уже в конце ноября, родители вместе с братом ушли на смотрины. У брата появилась девушка из хорошей семьи.

– А ты тетеха, нам все только испортишь. Сиди дома, – велел отец, и она позвонила в общежитие, Пете. Мол, можно посидеть в тепле, телевизор посмотреть.

Петя пришел с бутылкой вина, и Люся, которая никогда раньше не пила, захмелела мгновенно. Не слишком трезвый Петя опомнился только, когда, лежа в постели, глянул на часы:

– А когда твои родители придут?

И тут только Люся спохватилась: что же они наделали? Она была в таком ужасе, что, проводив Петю и наскоро прибравшись, забилась в свою комнатку и легла в постель. Накрылась одеялом с головой, чувствуя себя преступницей. Ее колотила мелкая дрожь. Они пришли глубокой ночью, пьяные, а наутро сказали краснеющей Люсе:

– В июне свадьба. С большой родней будем! С богатой! Говорил я тебе, что Славка выйдет в люди!

Когда об этом узнала Ада, она почему-то громко рыдала. Но Люсе было не до того: она пряталась от Пети. Отец запретил плодить лимиту в своем доме. Брат с молодой женой пока будет жить у них, в трехкомнатной. Большая родня пообещала построить молодым кооператив, но не сразу. Годик-другой придется потерпеть. Петя караулил ее у подъезда и просил прощения.

– Я тебя прощаю, – сказала добрая Люся. – Но встречаться нам больше не надо.

Всех замутила, разумеется, Ная. Вбила себе в голову, а заодно и подружкам, что из истории с беременностью выйдет романтическое приключение. Только, мол, надо всех ввести в заблуждение. Что поделаешь, им было по восемнадцать лет, и в отличие от бойкой северянки Люся с Адой, в сущности, были еще детьми. Втроем они строили планы: о том, как ребенок будет переходить из рук в руки и в день своего совершеннолетия узнает, наконец, кто его настоящая мать. Это были фантазии Наи, которой вечно хотелось романтики и приключений.

Люся поначалу даже готова была взять ребеночка к себе. Хотя никак не понимала, почему этого не может сделать Ада. В Люсиной трехкомнатной, выходит, будут жить отец с матерью,

брат с молодой женой, да еще и она с ребеночком. А Ада живет вдвоем с бабушкой. Также в трехкомнатной. Так почему? Недоумение у нее так и оставалось, но потом случилось то, отчего всякое недоумение прошло. Осталась только тупая боль: за что?

На День Победы было жарко. Богатая невеста, у которой был папа-профессор, пригласила их семейство за город, на дачу. По словам брата, дача у родителей будущей жены была роскошная, двухэтажная.

– Вот увидишь, как хорошо! – хвастался брат. – Надо уметь выбирать себе жен!

Но Люся поехать не смогла. Она уже договорилась о досрочной сдаче сессии, скоро должны были начаться зачеты. Она зарылась в учебники, по своей давней привычке. Это была ее вторая сессия, первая же была сдана на «отлично», и старенькая библиотечарша, все время покашливая, сказала: «так держать»! Ослушаться наставницу Люся не смела и добровольно осталась дома.

Они поехали втроем и на железнодорожном переезде попали под поезд. Брат никогда не отличался терпением. Решил, видимо проскочить под опускающимся шлагбаумом. Искореженные «Жигули» Люсе так и не показали. Тела тоже. Хоронили ее семью в закрытых гробах. Люся так и не поверила, что осталась одна, и еще долго прислушивалась к шагам на лестничной клетке. А вдруг они вернутся? Она понимала только, что теперь у нее начнется совсем другая жизнь. Глаза застилал туман слез, в голове царил полная неразбериха. Все имеющиеся в доме деньги были истрачены на похороны. Конечно, у отца на работе помогли, да в институте, где учился брат, собрали кое-какие деньги. Только родня невесты сделала вид, что все это ее не касается. Кроме «крепись, девочка», Люся не получила от профессора никакой поддержки. Все родительские сбережения, до последней копейки, были недавно истрачены на «Жигули». Те самые. Люся тихо плакала. Она осталась без денег. А прожить на стипендию было почти невозможно. Да и памятник надо бы... Этот памятник не давал ей покоя! Хотя что-то она же может для них сделать!

И Люся решила перевестись на заочное отделение. Старушка-библиотечарша внезапно скончалась, и все эти неожиданные смерти так потрясла Люсю, что она поняла: о том, чтобы взять ребеночка к себе, не может быть и речи. Кто с ним будет сидеть, если ей надо работать? К тому же, надо еще справить девять дней, и сорок дней, и полгода, и год. И памятник. И отдать потом долги. И вообще, она теперь одна, без всякой поддержки. Мысли путались. Люся помнила теперь только о свалившемся на нее горе.

Приходил Петя, но она молчала. Из-за него все. Из-за того греха. Бог наказал. И наказал справедливо. Только вот ребеночка она теперь взять не может. Сдав сессию, Люся уехала вместе с подругами на дачу. Подальше от Пети и от неприятных воспоминаний.

А вскоре подошло время родов...

Ада

Она жила, как принцесса. И похожа была на принцессу. В голубом платье, с золотыми локонами до плеч, с огромными голубыми глазами. Поздний ребенок, единственный в семье. Ее баловали родители, баловала бабушка Ванда, баловала незамужняя тетя Мария.

– Станислав, у тебя растет маленькая фея! – старательно проговаривая слова, сообщала та. И отца называла почему-то Стани-и-слав, с ударением на второй слог.

К учению Ада была ленива, к чему принцессе науки? И к медицине, которой жили все в их семье, склонности не испытывала. К чему принцессе пачкать ручки? Скальпель хирурга? Фи! От одного вида крови ее мучило. Ада росла с мыслью, что все в жизни приходит само и достается легко, без всяких усилий. Не надо мучиться вопросом: как жить? Надо просто жить, и все.

Мама с папой опомнились только тогда, когда увидели аттестат Ады: сплошные «удовлетворительно»! Тетя Мария, которая пришла к племяннице отпраздновать окончание ею школы, покачала головой:

– Надо что-то делать, Станислав!

– Может быть, нам с Ириной отказаться от командировки? – спросил отец. – Мы бы позанимались с Адой годик-другой, в конце концов, наняли бы ей репетиторов. И девочка смогла бы выучиться хотя бы на фармацевта.

Слово «фармацевт» он произнес с явным презрением.

– Может быть, Аде поступить в медицинское училище? – спросила бабушка Ванда. – Туда и с тройками берут.

– Нет, только высшее образование! – отрезал отец.

А мама разумно заметила:

– По-моему, Аде надо просто выйти замуж.

– Но она еще так молода! – возразила тетя Мария. – Ей же только семнадцать!

– Мы сделаем вот что, – принял решение отец. – В Монголию мы с Ириной поедem. Ада поступит в Институт культуры, а мы, когда вернемся, устроим ей выгодное замужество. Муж получит жену с приданным и с высшим образованием.

– Но чтобы туда поступить, надо, кажется, иметь какие-то таланты, – робко заметила мама. Она обожала единственную дочь, но та ведь не пела, не плясала, не декламировала стихи. И не выказывала интереса к чему бы то ни было вообще.

– Она поступит на библиотечный факультет. Недавно я оперировал преподавателя, кажется, он заведующий кафедрой. Он сказал, что обязан мне жизнью. Думаю, что Ада в институт поступит.

Все вздохнули с облегчением. На три года судьба Ады была определена. А в двадцать лет, когда девушка созреет и для замужества, найдется и подходящий жених. И хотя Аде сказали, что бабушка остается на ее попечении, на самом деле это она свалилась на руки шестидесятилетней Ванды. Та привыкла выполнять всю работу по дому: вставала рано, бежала на рынок, в магазин, за молоком, потом делала уборку, стирала, готовила. И так весь день! И говорила при этом, что труд не дает ей болеть и стареть.

Родители уехали, Ада поступила в институт и стала жить вдвоем с бабушкой. У Наи была всего лишь койка в общежитии, у Люси в доме тесновато, вот и собирались вечерами подружки в основном у Ады. А Ная частенько оставалась ночевать. Сюда же приводила иногда и своего Диму.

Слава был первым, кто занялся Адой всерьез. Раньше ее опекали родители, они молодых людей и близко к принцессе не подпускали. Когда они уехали, Ада растерялась. Настоячивые ухаживания Славы Ада приняла, как само собой разумеющееся. И ни разу не задумалась над тем, почему брат подружки Люси так стремится ее обольстить. Если молодой человек ухаживает, значит, собирается жениться. Зачем еще ему может понадобиться такая девушка, как Ада? Красивая, из хорошей семьи, да еще с богатым приданным. На таких женятся, а не разбивают им сердца.

Возможно, что Слава поначалу так и думал. Но потом нашел партию получше. Аду он никогда не любил по-настоящему, это было мимолетное увлечение, поэтому Слава бросил ее без сожаления. Принцесса оказалась слишком уж холодна. Тихая бабушка Ванда, намаявшись за день, засыпала рано, и они с Адой запирались в маленькой спальне, где Слава пытался хоть как-то девушку разогреть. Та не сопротивлялась его ласкам, но и не пылала.

– Послушай, ты прямо ни рыба ни мясо! – возмущался Слава. – Я что, тебе не нравлюсь?

– Нрависься.

– А как тогда ты ведешь себя с теми, кто тебе не нравится?

И, немного подумав, Ада отвечала:

– Так же.

– Бери пример со своей подруги, – советовал Слава, конечно же, имея в виду горячую, страстную Наю. Попробовал, было, к ней подкатиться, но девушка тут же сказала:

– От москвичей я жду только одного: предложения руки и сердца. Женишься на мне?

– Надо подумать.

– Не женишься, я вижу. Значит, ничего у нас не выйдет.

– А с Димой, значит, можно и так?

– А, может, я с ним за любовь?

– Как же! Поверю я тебе! – рассмеялся Слава.

Но от Наи он быстро отстал. Подвернулась выгодная партия: дочка профессора заняла все его мысли. Слава планировал остаться в аспирантуре, у ее папы, и при поддержке тестя продвинуться, сделать карьеру. В отличие от Ады невеста отдавалась ему страстно, и это Славе понравилось. Как-то незаметно он исчез с горизонта польской принцессы.

Сначала Ада не приняла это близко к сердцу. Думала, что Слава занят учебой. А когда от Люси узнала о свадьбе, назначенной на июнь, растерялась:

– А я? Что будет со мной?

И зарыдала. А бабушка Ванда сильно испугалась:

– Ты только родителям, Адочка, не говори. А то и мне, грешнице, попадет. Я уж думала, что дело у вас идет к свадьбе. Как же ты так?

– Господи! А вы меня предупредили?! Вы мне сказали, что так может быть?! – ломала руки Ада. Что же ей делать теперь? А как же мама с папой? Что будет, если они найдут ей достойного мужа? А если он все узнает?

Ада испугалась. Выход был один: скрывать. Никто не должен узнать. И влиянию Наи Ада поддалась легко. Потому что Ная пообещала подлеца наказать.

– Вот увидишь, я его припугну, – пообещала она.

– И он на мне женится? Бросит профессорскую дочку?

– Да зачем тебе Славка, дурочка! Другого найдешь! А Славка кот, и повадки у него, как у кота. Всю жизнь будет гулять сам по себе. И налево ходить. Он и ко мне клинья подбивал.

– Врешь!

– Да зачем мне врать? Только не нужен он мне. Я тебе помогу, но и ты должна отныне быть с нами. Делайте все так, как я скажу.

– Но зачем? – не поняла Ада. – Я могу рассказать тете Марии правду. Уверена: она мне поможет. Зачем скрывать?

– Так надо. Должна же у нас быть какая-то тайна? – загадочно сказала Ная.

И Ада ее послушалась. А бабушка Ванда послушалась любимую внучку. Когда Слава погиб, Ада даже испытала какое-то облегчение. Ее обидчик наказан. Она, Ада, отомщена! Как Ная и обещала. Неужели черное колдовство? Кто знает? Вон какие у подружки глаза! Как омуты. Наю с тех пор она стала побаиваться: колдунья! Черноокая ведьма сибирская! Надо ее слушаться, иначе будет плохо.

Вот и получилось, что на дачу в конце мая они уехали вчетвером. Подружки и старая повитуха.

– Ох, узнает Станислав, попадет мне! – тряслась бабушка Ванда.

Ада видела, что после того, как с бабушкой поговорит Ная, та пугалась еще больше и начинала мелко-мелко креститься. Но спросить у подружки, что та нашептывает на ухо старенькой Ванде, не решалась. Меньше знаешь – крепче спишь. С колдунами лучше не связываться. А Люся после смерти родителей и любимого брата была подавлена. Вот и получилось, что по-прежнему всем заправляла лихая Ная. А после того, как ребенка отвезли тете Марии, сибирячка неожиданно для всех сказала:

– Я уезжаю. С археологической экспедицией.

Проводы

Проводы вышли грустные. Ная уезжала в начале сентября. Бородатый археолог, смеясь, заталкивал тяжелые рюкзаки на полки для багажа, и что-то без конца говорил, говорил, говорил... А Ная чуть не плакала, и, казалось, уже жалела о своем решении.

Она вышла из вагона, оставив своего спутника разбираться с вещами. И до самой последней секунды не заходила. Все смотрела по сторонам.

– Я перевелась на заочное отделение и устроилась на работу, – торопливо говорила Люся. – В ту самую библиотеку. Когда читателей нет, сижу, дрожу. Кажется, что старушка прячется в хранилище, и вот-вот выйдет из-за стеллажей с книгами и схватит меня.

– Дура ты, – равнодушно заметила Ная.

– Может и дура, – не обиделась Люся и вдруг сказала: – Петя приходил.

– И что? – глядя куда-то в сторону, спросила Ная.

– А ничего. Пришел, записался ко мне в библиотеку. Буду, говорит, твоим самым постоянным читателем. Самым верным.

– А я звонила тете Марии, – вздохнула Ада. – Хочешь узнать, кто мальчика забрал?

– Нет, не хочу, – равнодушно сказала Ная.

– Я хочу, – и Люся прижала платочек к глазам. – Я теперь жалею, что не смогла его взять! Вот! Тут уж точно: дура!

– Что сделано, то сделано, – заметила Ная.

– Тетя Мария говорит, что люди очень хорошие. Он будет счастлив, – вздохнула Ада.

– Ну, вот и хорошо.

И вдруг... Ная даже в лице переменялась!

– Пришел...

Подружки знали, что еще весной Ная так резко поговорила с Димой, что тот выскочил из ее комнаты, громко хлопнув дверью, и больше в общежитии не появлялся. И все равно ждала. Ждала, ведь!

– Кто ему сказал, что я уезжаю? – поочередно посмотрела Ная на подружек.

– Я, – призналась вдруг Люся.

– Люська, ты?! Ну ты даешь! Такая рохля, и вдруг – решилась!

– Я хотела... – начала, было оправдываться Люся.

– Ну, не будем тебе мешать, – потащила ее за рукав Ада. К ним подходил Дима.

– Девчонки, привет, – улыбнулся криво. Когда подружки отошли, Ная спросила:

– Ну?

– Останься, – только и сказал он.

– Нет.

Бородатый археолог смотрел на них в окно, но почему-то так и не вышел из вагона.

– Чего ты хочешь? – хмуро спросил Дима.

– Я тебе уже говорила.

– Я тебе все это дам.

– Когда?

– Придет время.

– А я хочу сейчас, хочу все и сразу, – упрямо заявила она. И добавила: – Я хотела тебе сказать...

– Что? – жадно посмотрел он.

– Так. Ничего. Я еще вернусь. Мне нравится этот город. Безумно нравится! Вот затоскую и вернусь.

– Когда-нибудь мы поженимся, – пообещал Дима.

– Вот когда ты всего добьешься, над всеми возвысишься, и я почувствую, что мне тебя ни за что не догнать, и никому уже не догнать – тогда, пожалуй.

– Слово даешь?

Она только рассмеялась. Как можно веселей и беззаботней. Ей ведь было только восемнадцать лет. И, тряхнув черными кудрями, Ная сказала:

– А у меня такое чувство, что мы расстаемся навсегда! Ну, прощай! Эй! Люся, Ада! Сюда! Ну, целуемся!

Проводница уже стояла на подножке вагона и готова была вскочить в тамбур, как только раздастся гудок паровоза, и поднять желтый флажок. Но Наю она почему-то не торопила. Никто ее не торопил, даже бородатый археолог. Ная заскочила в вагон в последнюю секунду.

А когда поезд тронулся, Дима почему-то засмеялся и крикнул ей:

– Не забывай! Слово дала!

Он тоже был молод и самонадеян. И хотя никакого слова Ная ему не давала, она молча кивнула и пошла в вагон, к своему бородатому археологу.

Наше время

Монти за четыре месяца до двадцатипятилетия

– Мотя, ты куда?!

– Ухожу. По делам.

– Опять в это отвратительное место! В вертеп! Гнездо разврата! – раздался визг со стороны кухни.

– Это моя работа, ма, – лениво бросил он, причесываясь перед зеркалом в маленькой полутемной прихожей. Парикмахерша, у которой он постоянный клиент, не устает нахваливать его волосы. Мол, послушные, не требуют укладки. Светлые, выющиеся, они не торчат в разные стороны, словно пружины от матраца, а лежат мягкой, воздушной волной. Прямо парнишка из рекламы «этот волшебный гель придаст вашим волосам дополнительный объем». Но он не пользуется гелем. Парикмахерша не в курсе его занятий, и, слава богу! Девушка не в его вкусе, и лучше уж держать ее на расстоянии.

Мать появилась в прихожей и начала привычно брюзжать:

– Неблагодарный, непослушный, недостойный сын...

– Я не твой сын, – не отрываясь от зеркала, возражает он. Эту семейную тайну узнал еще в детском саду, когда стали дразнить подкидышем. Теперь уж и болеть перестало. Ну, подкидыш, и что с того?

– Да ты посмотри на себя!

– Смотрю. Радуюсь.

Он поправил ворот белоснежной рубашки с воротом апаш, повернувшись спиной, глянул, хорошо ли сидят новые штаны из черной кожи. А что? Неплох! Очень даже неплох! На работу, как на праздник, так что ли? И стал насвистывать песенку из кинофильма Боба Фосса «Кабаре». Его любимого, между прочим. «Come to this cabare...»

– Господи, как ты одет? – продолжала брюзжать приемная мать.

– По последней моде, ма. Ну, все. Буду поздно, как обычно. То есть, рано.

– Мотя!

– Нежно целую. Я благодарен тебе за все. И, разумеется, папе. – Он прихватил черный кожаный пиджак и послал ма воздушный поцелуй. Пока!

– Не трогай его праха! – тут же взвилась она. – Он же в гробу перевернется!

– Папа давно уже сгнил. Там нечему переворачиваться, – заметил он. – Кстати, и его гроб тоже. Сгнил. Очевидно, такова сущность этого явления, – философски добавил он. И кинув прощальный взгляд в зеркало, помахал себе рукой: удачи!

– Циник! – в спину сказала мать.

– Я реалист.

– Для тебя же нет ничего святого!

– Именно. Я рад, что ты это поняла. Деньги положил на столик в кухне. Ни в чем нам любимым не отказывай. Исчезаю.

– Чтобы я взяла эти деньги! – услышал он, уже захлопывая дверь.

Деньги мать все равно возьмет. Но надо соблюсти правила игры. Его работа грязная, недостойная. Деньги, которые он приносит, тоже грязные. Сам он худший из людей, населяющих земной шар. Но без обид. Они не виноваты, что вырастили его таким. Приемные родители. А вот он мог бы предъявить претензии.

Во-первых, они называли его Матвеем, что само по себе уже маленькая трагедия. А если прибавить к этому, что его приемного отца величали Нестор Лаптев, то это уже конец света! Матвей Нестерович Лаптев! Мама, роди меня обратно и хотя бы имя дай перед тем, как подбросить на порог роддома! Папе было хорошо, с такой фамилией он процветал при советской власти, собирая по городам и весям народный фольклор. Даже докторскую диссертацию сумел защитить, едва перевалило за сорок. А скончался от горя, в возрасте шестидесяти трех лет. Когда понял, что для капитализма и рыночных отношений не приспособлен. И вот вам результат! Инфаркт, реанимация, все усилия врачей оказались напрасны, и как итог – оградка с серебряными «шишечками» на пиках. Нестор Иванович Лаптев. Помним. Скорбим. Очевидно, такова сущность этого явления. Это раз.

Во-вторых, Матвея Нестеровича с детства учили не тому, чему нужно было учить. Изящным искусствам учили! Вы только подумайте! Музыка, танцам. Он занимался не авиамоделизмом, не радиотехникой, не теннисом или, положим, футболом! Он, юноша, занимался бальными танцами! И поступил в Университет культуры на отделение хореографии! Потому что ничего другого, увы, не умел!

Конечно, на бальные танцы сейчас мода, и профессионалы зарабатывают неплохо. Но элита – это с десятков известных пар, которые постоянно выходят в финалы российских и международных конкурсов. Чтобы туда пробиться, надо, во-первых, пахать и пахать, а во-вторых, иметь связи. Лет через несколько можно открыть свою школу бальных танцев и неплохо устроиться в жизни. Но...

Проблема с партнершей. Он пробовал – не получилось. Девицы попадались какие-то деревянные. И не в его вкусе. А он, прежде всего – человек настроения. Может отплясывать так, что зрители начнут неистовствовать. А может провалить все. Несерьезное отношение к проблемам – вот его главная проблема. Даже услышав фразу «это вопрос жизни и смерти», Матвей Нестерович лишь улыбнется и подобно римлянам, наблюдающим бои гладиаторов, опустит большой палец правой руки вниз. Смерть, если вы так хотите! Я лучше умру, чем буду упираться! Если кому-то до зарезу надо победить, Матвей Нестерович всегда уступит. Да пожалуйста! Не боец он. Нет, не боец. Очевидно, такова сущность этого явления, именуемого Матвей Нестерович Лаптев.

Третья претензия к родителям – не сумели скрыть, что он подкидыш! Надо было сторожить спрятанный в шкафу скелет, а не греметь костями на всю Ивановскую! Потому что когда собиратель народного фольклора Нестор Лаптев напивался, он становился чрезвычайно болтливым. И тыча в хилую грудь кулаком, спешил сообщить всем о том, какой он благородный человек. Взял из роддома брошенное дитя и пригрел на этой самой груди.

Хорошо, что у Матвея Нестеровича, пусть он и Лаптев, есть чувство юмора, и вообще он циник, как без конца твердит ма. А цинику со смазливой физиономией, отличной фигурой и умением зажигательно отплясывать рок-н-ролл найти высокооплачиваемую работу – раз плюнуть!

Пока работал в подтанцовке, жил впроголодь. Натерпелся, но зато ма была довольна. Изредка она видела сына на голубом экране. И сколько Матвей Нестерович ни внушал ей, что он лишь «задний план», всерьез считала его звездой. И не уставала говорить знакомым: «Ах, мой Мотя! Вы видели, мой Мотя?». Не сложилось с юной певичкой, которая захотела быть больше, чем просто другом. И поскольку для серьезных отношений с особью противоположного пола Матвей Нестерович еще не созрел, он ушел с гордо поднятой головой. Рабы не мы, мы не рабы! Жаль только, что за это не кормят. Пока болтался без работы, первобытные инстинкты взяли верх, очень захотелось кушать, и когда сокурсник предложил Матвею работать в стриптиз-клубе, он не колебался ни секунды. Спросил только, хорошо ли там платят? Узнав, присвистнул и кивнул:

– О'кей! Когда приступать?

– А тебя не смущает, что тебя будут называть стриптизером?

– Назови хоть горшком, только мой порошком. Слышал такую шутку?

– Полина Петровна будет в шоке, – усмехнулся приятель, которому приемная мать Матвея Нестеровича в детстве давала уроки игры на фортепиано.

– Маман сильно сдала после смерти папа, – притворно вздохнул Матвей Нестерович и возвел к небу томные карие очи. – И хотя по-прежнему упряма, как мул, на то, чтобы тащить воз, ее уже не хватает. Персонального счета в банке у нее нет. Придется о нас позаботиться. А ее брюзжание я как-нибудь стерплю.

Так оно и пошло. Став стриптизером, он назывался уже не Мотей, а Монти. На французский манер. Так значилось на афишах. «Монти» горело огненными буквами, и он даже испытывал тайное чувство гордости. Ну что, съел, Нестор Лаптев? Приемный сынок-то переломил свою судьбу! И никакой он не Лапоть, как дразнили в далеком детстве. Он и в самом деле был изящен, и хотя ростом высок, а сложения отнюдь не атлетического. Тонкий и гибкий, как хлыст, выделялся на импровизированной эстраде такое, на что тяжеловесные атлеты были просто не способны. Женщины, посещавшие клуб, его обожали.

– Монти! Монти! – визжал зал, когда он был в ударе.

Через полгода он купил хорошую машину, благо проблемы с жильем не существовало: в четырехкомнатной квартире они с матерью жили вдвоем. На одежде не экономил, все лучшие рестораны в Москве знал наперечет. Хотя огромные счета оплачивали женщины, с которыми он туда приходил. Дамы лет за сорок и далее, состоятельные и влиятельные. Он таких не искал: сами находили. Причем, угрызений совести Монти никогда не испытывал: ему действительно нравились эти женщины. Которые по возрасту годились в матери. Он любил свою работу. Он искренне любил своих клиенток. Он радовался жизни. Вот и сегодня вышел из дома под вечер, чтобы вернуться с первыми лучами солнца. После того, как ночной клуб будет закрыт, наверняка придется кого-нибудь подвезти. Какую-нибудь загулявшую дамочку, муж которой укатил в загранкомандировку. Потом придется зайти на чашечку кофе, со всеми вытекающими из нее последствиями. Потом дамочка будет названивать целыми днями, они куда-нибудь сходят. Потом... Об этом лучше не надо. Этот этап всегда неприятен.

Когда вернется муж, она впервые заикнется о разводе. Мол, как нам будет хорошо с тобой вдвоем, милый! Вот тут надо быть настороже. Муж – это обязательный элемент в его отношениях с женщинами. Без мужа никак нельзя. Потому что он, Монти, на эту роль не годится. Он – последнее утешение, луч света в темном царстве загадочной женской души. В его глубоко посаженных темных глазах – вечный мрак. Никогда нельзя понять, о чем он думает. Но уж точно не о женитьбе.

... – Ой, извините!

У подъезда на него налетела симпатичная девушка лет шестнадцати и стоит, открыв рот.

– Ничего. Бывает.

– А я вас знаю! Вы – сын Полины Петровны, бывшей учительницы музыки! Я к вам раньше ходила! На занятия!

– Не помню, – равнодушно ответил он.

А девчонка-то хорошенькая, ну просто очень! Яблочко наливное, под тонкой белой кожей пульсирует молодая, горячая кровь. Глаз не отвести! Наверняка ей об этом не раз говорили, потому и ведет себя так уверенно. Хочет познакомиться, это понятно.

– А я вас помню! И еще я знаю, что вы – стриптизер! Можно билетик в ночной клуб, где вы работаете? Можно на ты?

– Подрасти сначала.

– Такой красивый и такой вредный!

– Не люби красивых, – заметил он. – Между прочим, в душе я уродливый и мрачный.

– У меня уже было. С мужчинами. Так что не стесняйся.

– Ну и дура! – вздохнул он и направился к своей «Ауди». Точно – дура!

Кто их, таких, рождает? «У меня уже было!» Это вместо предисловия. А что в «продолжение следует»? Или она так откровенна, потому что он стриптизер? Ничего в душе не дрогнуло. «Вот если б ей было лет сорок, сорок пять...», – мечтательно подумал он. Зрелая женщина – это поэма! Ухоженное лицо, грамотный макияж, женственные формы. И грация. Повадки хищницы, а не резвость ягненка, который только-только вырвался на волю пощипать травки и рад до смерти. Бегаёт, коленками сверкает. И жадно ищет взглядом рыщущих в окрестностях волков. Вот он я, кушайте меня скорее! Дура!

Зло хлопнул дверцей машины. Все настроение испортила! Вот надо ей на заре туманной юности непременно лечь под стриптизера! А может, ее маман подослала? Кроме того, что он неблагодарный сын, вторая любимая ария: «Ах, Мотя, тебе давно пора жениться!» И неизменный припев: «Женишься – образумишься». Девчонка когда-то брала у маман уроки музыки. И, может, ей и не шестнадцать вовсе, а все восемнадцать. Созрела для брака. И с мужчинами уже было. Черт! Надо поговорить с приемной матерью. Жениться он не собирается. Потому что если приведет в дом ту, которая ему по душе, у матери тоже может случиться инфаркт и она последует за папой. Вкупе с его презренной профессией невестка, которой давно уже перевалило за сорок – явный перебор. Пусть уж все остается как есть.

Ведь у Монти есть не только чувство юмора, но и добрая душа. И уродство его души, о котором он без конца повторяет – вещь скорее надуманная. Какая может быть душа у стриптизера? Уродливая, это понятно. Ведь он раздевается на людях и отплясывает танец живота, словно публичная девка. А потом берет деньги у посетительниц. И спит с ними, если они того хотят. Это плохо? С точки зрения морали да, а с точки зрения женщин, которые приходят развлечься – очень даже здорово. Было бы плохо, если бы он им отказывал. И надо заметить, что в его уродливой душе царит полная гармония. Он себя не заставляет все это делать. Ему это действительно нравится. Приятно жить в ладу с самим собой, черт возьми!

Увидев сияющую вывеску ночного клуба «Дамские пальчики», улыбнулся: «Я дома!». Хозяин вечера сегодня – Монти! И отношения с коллегами хорошие, без ревности и зависти. Потому что он, Монти, легкий человек. Есть деньги – дает взаймы. Просят подменить – никогда не отказывает. Чаевыми делится, суперзвезду из себя не корчит. Хотя и так всем понятно, что Монти – всеобщий любимец и большинство женщин ходят сюда из-за него. Но его специализация – дамы от сорока до пятидесяти, это тоже знают все.

Вот и сегодня сразу же отметил женщину, которая полностью отвечала его требованиям: красивую, ухоженную брюнетку. Но пробежавший мимо парень, работающий под псевдонимом Аякс, отрицательно покачал головой:

– Не связывайся. Это к хозяину. Из журнала.

– Из какого еще журнала?

– «Тело», – раздался голос самого хозяина. Мировой мужик, если не считать отвратительной привычки ходить почти бесшумно и заставить всех врасплох. У них с Монти прекрасные отношения: никаких претензий друг к другу. – Никогда не читал?

– Нет, – покачал он головой. – Что за журнал?

– Толстый, глянцевый. Сейчас на них большая мода. Она – владелица и главный редактор. Нечаева Наина Львовна.

– «Тело». Хм-м-м... – Он не выдержал и усмехнулся.

– Зря кривишься, там все пристойно. Журнал для дам. Светские сплетни, советы, как ухаживать за собой, какие физические упражнения делать, чтобы быть в форме, какие рестораны и ночные клубы посещать. Кулинарные рецепты, диеты. Словом, всякая дребедень.

– Ну а здесь она зачем?

– Не сообразил? В журналах для мужчин чьи фотографии печатают? Правильно: красоток с пышными формами. А журналы для женщин теперь интересуются красавчиками, вроде тебя. Наине Львовне требуется свежее лицо для разворота.

– Боюсь, что мое уже испортилось, – нахмурился он. – Пусть Аякс ей позирует.

– Чего злишься? – добродушно усмехнулся хозяин. – Тебе ж нравятся такие дамочки, как Нечаева!

– Мне нравятся женщины. А не конезаводчицы, которые приходят отбирать племенных жеребцов для своего персонального стойла.

Монти и сам не понял, почему эта Нечаева так его разозлила. Но почувствовал смутную тревогу, волнение, и во время всего выступления нервничал и был не в духе. Владелица модного журнала смотрела на него не отрываясь.

Когда спустился в зал, по глазам понял: хочет, чтобы он подошел. А глаза у нее темные, глубокие. Колдовские. Так и тянет заглянуть в глубину: а что там?

– Присаживайся, – улыбнулась Нечаева. Она была одна, без спутника. Поглядев на стоящий перед дамой бокал с коктейлем, подумал, что придется подвезти ее до дома. Сам он на работе пил редко и весьма умеренно. Знал, что садиться за руль.

– Значит, ты и есть знаменитый Монти? – улыбнулась Наина Львовна.

– Вы ожидали чего-то большего?

– В общем-то, да.

Он даже обрадовался, что не понравился Нечаевой. Если дама хотела его обидеть, то не угадала. Матвей Нестерович человек не обидчивый. Она же сделала глоток из высокого бокала и словно пожаловалась:

– Ты хорош в движении. Танцуешь великолепно, но, извини, тело твое не впечатляет. Ни рельефной мускулатуры, ни широкого разворота плеч, и пресс не выделяется. А мой журнал называется...

– «Тело», – закончил он. И добавил: – Но я же не напрашивался!

– А вот лицо у тебя интересное, – задумчиво сказала Нечаева. – Особенно глаза. Я бы сделала несколько снимков. Но ничего не обещаю.

– А с чего вы взяли, что я буду вам позировать? – напряженно спросил он.

– Тебе что, деньги не нужны? – удивилась Нечаева.

– Вообще-то я неплохо зарабатываю.

– Но это же слава, дурачок! Ты пойми. Какое у тебя будущее?

– Мое. А ваша судьба пролегает отдельно от моей, – пошутил он и поднялся. – Всего хорошего.

Пусть Аякс довезет ее до дома. А он уже заметил старую знакомую. Та, улыбаясь, давно уже делала знаки. Когда он отходил от столика Нечаевой, та задумчиво смотрела ему вслед. Симпатичная женщина лет сорока, про которую он знал только, что ее зовут Анной, улыбнулась приветливо:

– Монти! Привет! Трудно стало тебя заполучить! А я скучала.

– Я тоже, – легко соврал он. Женщина сделала вид, что поверила и рассмеялась:

– Проводишь?

– Конечно!

Анна ему нравилась. Хотя она была не замужем, но связать его по рукам и ногам не стремилась. После того, как они проводили вместе ночь, исчезала на целый месяц. Потом объявлялась, и вновь пропадала на несколько недель. Если и скучала, то спокойно, без надрыва и обычных женских истерик, которые он терпеть не мог. Чем занимается он, как ни пытался, угадать не мог. Спрашивать не стал: зачем? Захочет – сама расскажет.

– Тогда поехали? – ласково посмотрела на него Анна.

– На моей или на твоей?

- Я на такси. Надеюсь, что все будет, как в прошлый раз.
- Мне надо сказать хозяину, что ухожу.
- Я сама, – тут же поднялась Анна.

Он никогда не интересовался, что в таких случаях женщины, с которыми он уходит, говорят хозяину. И как происходит расчет. Предпочитал не знать того, чего знать не хочется. Это не его проблемы, потому что Монти просто-напросто идет провожать понравившуюся женщину и поднимается к ней в квартиру по единственной причине: ему этого хочется. Вот и сейчас сидел, дожидался, когда подойдет Анна и негромко скажет: «Все, Монти, пошли».

И тут... Возле его столика вдруг оказалась Нечаева. Позвала негромко:

– Монти.

Он поднял голову. Наина Львовна рассматривала его, как товар, выставленный на продажу на одном из аукционов. Словно собиралась вступить в торги. Так и есть:

- Ты меня не проводишь?
- Извините, я занят.
- Я все-таки решила сделать твои фотографии для журнала. Заплачу хорошо.
- За фотографии или за остальное тоже?
- А ты вообще как, дорого обходишься?
- Не знаю, не у меня надо спрашивать, – поднялся он. Нечаева была ему неприятна. – Но вам это уж точно будет не по карману. И вашему журналу тоже.

– А ты парень с характером, – улыбнулась вдруг она. – Дорогая игрушка. Но и я упряма. Так я оставлю тебе номер телефона?

Он равнодушно сунул визитку в карман кожаных штанов. Нечаева смотрела, словно чего-то ожидала. Наконец, спросила:

– А свои координаты не оставишь? Номер мобильного?

Он просто не умел отказывать красивым женщинам. Нацарапал номер на протянутой ею визитке, и, увидев проходящего мимо Аякса, окликнул:

– Мишка!

– Чего?

– Даму не проводишь? Я знаю: ты на машине, а ей очень уж понравился наш фирменный коктейль.

– Спасибо, не стоит, я как-нибудь сама доберусь, – усмехнулась Нечаева, бросив оценивающий взгляд на Мишу-Аякса. – Всего хорошего, молодые люди.

– Ты чего? – не понял Аякс, когда Нечаева отошла. – Такая мадам! И со средствами!

– Не знаю. Сам не пойму, отчего мне так не по себе.

– А ведь она тебя будет добиваться, – криво усмехнулся Аякс. – Баба-танк, по ней видать.

– Придется запастись бутылками с зажигательной смесью и остановить на подходе, – невесело пошутил он. Подошла Анна, тихо сказала:

– Все, Монти. Пошли.

Направляясь к выходу, он чувствовал на себе тяжелый взгляд Нечаевой. Оглянувшись, посмотрел в упор. Она улыбнулась и кивнула. Черт! Дался он ей!

– Что-то ты сегодня невеселый, – заметила Анна уже в машине. – Случилось что-нибудь?

– А если и случилось?

– Я могу помочь, – серьезно сказала она.

– Слушай, а чем ты вообще по жизни занимаешься? – поинтересовался он.

– Помогаю таким, как ты, – рассмеялась Анна. – Но давай об этом после. Хорошо?

После так после. И с чего она вообще взяла, что ему нужна помощь? Что касается денег, тут все в порядке, карьера тоже складывается удачно, он молод, красив, и счастлив. Анна чего-то не поняла.

...Как всегда, находясь в постели с опытной женщиной, он чувствовал себя на подъеме. Обладателем сокровища, которое при рождении у него отобрали и забросили на самое дно глубокого колодца. А он все-таки нырнул, достал до дна, нашел и теперь изо всех сил пытается выплыть на поверхность. И сокровище свое крепко-крепко прижимает к груди. А сердце бьется так, что в глазах темнеет. И страсть к найденному сокровищу темная, слепая, бесконтрольная. И жажда к ледяной воде, в которой барахтается, словно слепой котенок, тоже. Хочется нахлебаться ею досыта и забыться в глубоком обмороке. Но сокровище свое он не выпустит из рук. Ни за что. Никогда...

– Монти... Ох!

Кажется, он опять забылся. Только бы не сделать ей больно! Но по лицу Анны никогда не поймешь. Она умеет держать себя в руках.

– Что-то не так? – опомнился он и разжал руки.

– Какой ты сильный! Нет, все в порядке. С тобой всегда хорошо. В тебе есть сила истинной страсти. Но вот ее природа...

– Что? – заволновался он. – Что такое?

– Я давно хотела с тобой поговорить. – Анна вдруг замолчала. Потом сказала: – Нет, не сейчас. Надо и для себя что-то оставить. Послушай, а как ты проводишь свободное время?

– То есть?

– Как ты отдыхаешь?

– Сплю, – пожал он плечами. – Ну, телевизор смотрю. Иногда читаю. Фантастику в основном. Сажу в Интернете. Компьютерными играми особенно не увлекаюсь, но и это бывает. По настроению.

– А в театр не хочешь сходить?

– В театр? – удивился он. – А зачем?

– Пьесу посмотрим. Я знаю маленький театр антрепризы, где сейчас модный режиссер поставил очень интересный спектакль. Хочешь, позвоню, закажу билеты?

– А мне это надо? – с сомнением спросил он. Если бы Анна пригласила в ресторан, ничуть не удивился бы. Но в театр?

– Тебе это надо, – с нажимом сказала вдруг Анна. И он, легкий человек, не умеющий отказывать красивым женщинам, тут же сказал «да»...

...Пьеса, которую они пришли смотреть, называлась «Царь Эдип». Зал оказался на удивление маленьким, сцена тоже была небольшая. Но свободных мест не было. Они с Анной сидели во втором ряду. Актера, исполняющего главную роль, Монти узнал сразу. Лицо его то и дело мелькало на телевизионном экране в отечественных сериалах, которые так любила ма. Здесь молодое дарование играло царя Эдипа. Монти был в курсе, что это из древнегреческой истории. Пыль веков. На афише значилось, что автор пьесы Софокл. Про Софокла Монти краем уха тоже слышал. Из Древней Греции товарищ, в вузе проходили. Поэтому Монти никак не мог сообразить, почему главный герой в пиджаке и при галстуке. То есть, сначала в джинсах и футболке, когда живет в горах, у приемных родителей. А когда становится царем, обзаводится и мобильным телефоном, и телохранителем. А его жену, которая потом оказывается матерью, тоже играет известная актриса. По пьесе дама эта – жена крупного бизнесмена, которого Эдип разорил и довел до самоубийства. А потом женился на вдове, чтобы завладеть империей. Финансовой империей, имеется в виду. О том, что это его мать парень узнал потом, когда стал отцом собственного брата. Тьфу! Монти совсем запутался.

Все первое отделение он только и делал, что напрягался, пытаясь сообразить, что к чему. Зачем Эдип и Федра не в тогах, а в модном «прикиде», почему после стихов, которые, вне всякого сомнения, написаны Софоклом, актеры вдруг переходят на прозу, причем употребляют слова, которых в Древней Греции знать не могли. К примеру, Эдип все время говорит о каких-то акциях, ставке рефинансирования, игре на понижение, потом на повышение и про-

чую лабуду, в которой Монти понимает столько же, сколько товарищ Софокл из Древней Греции. Много было странностей в постановке «Царя Эдипа».

Но зато во втором отделении Монти понял все. Анна привела его на этот спектакль не случайно, и если бы актеры были в тогах, а текст от начала до конца принадлежал бы только Софоклу, для Монти все это так и осталось бы сказкой. Историей, которая случилась когда-то. Пылью веков. Но пиджаки и мобильные телефоны сделали свое дело. К концу спектакля Монти созрел. Анна прозрачно намекала на то, что интерес ее любовника к женщинам, которые годятся в матери, отнюдь не случайный. И на первом свидании он ведь со смешком упомянул, что подкидыш. Мол, не знает, кто его настоящая мать. И пошутил: уж не Анна ли? А что? Все может быть! Эдип-то бежал от родителей, когда услышал предсказание оракула! Не зная, что это его приемные родители. И все равно женился на собственной матери. От судьбы не уйдешь.

Монти стало вдруг не по себе, но он виду не подал. Когда Анна поинтересовалась, как ему понравилась пьеса, равнодушно сказал, что, в общем-то, неплохо. Но не совсем понятно. Она тоже не стала давить. Ночь провели вместе, но сон, который ему приснился, был странным. А под конец страшным. Он был близок с женщиной, лица которой не мог разглядеть, а потом вдруг назвал ее «мама».

Проснулся он в холодном поту. Рядом лежала Анна. Приподнявшись на локте, Монти долго разглядывал ее лицо, и вдруг почувствовал, как все тело покрылось мурашками. Стало страшно. Показалось вдруг, что они с Анной похожи. Физически, как могут быть похожи люди, в жилах у которых течет родственная кровь. У Анны светлые волосы, тонкий прямой нос. И родинка на щеке. Кажется, у него такая же! Хотел, было, вскочить и кинуться к зеркалу, чтобы проверить. Есть там эта чертова родинка, или ее нет? Но тут Анна проснулась. Открыла глаза, и сразу же спросила:

– Что случилось?

– А что случилось? – хрипло передразнил он.

– У тебя такое лицо, словно ты приведение увидел. Какой ты бледный.

– Послушай, ты детей в роддоме не оставляла?

– Что?

– Детей, говорю, не бросала?

– Значит, ты понял, – с удовлетворением заметила Анна. – Нет, у меня не было детей.

На мой счет можешь не волноваться.

– Слава богу! – И он с облегчением откинулся на подушку: – Уф! А то мне стало вдруг не по себе. Подумалось...

– Подумалось, что при таком образе жизни и любви к зрелым женщинам в один прекрасный день можно проснуться в постели рядом с собственной матерью? Так?

– Замолчи! – испугался вдруг он. Высказанная вслух, эта мысль звучала кощунственно. Монти вдруг понял: – Да, я именно этого и боюсь! Но и хочу одновременно. Ведь я этого ищу. Но я же не виноват, что так получилось?

– Но он тоже был не виноват. Царь Эдип. Это судьба.

– Не верю.

– Послушай, ты, ведь не был в армии?

– Нет. Не был, – покачал он головой.

– А причина?

– Отмазали.

– А диагноз?

– Да какая тебе разница! Что-то нервное.

– Значит, у врача были основания. Ты не наблюдался в детстве у невропатолога?

– Ну, допустим, было, – нехотя сказал он. – Потом подняли медицинскую карту, ма сделала все возможное, дала денег, чтобы... – И вдруг он спохватился: – А тебе-то что за дело?

– Я работаю психотерапевтом, – спокойно сказала Анна.

– Что-о?!

– Не надо так кричать, Монти. – Она приподнялась на локте и спросила: – Не возражаешь, если я закурю?

Он кивнул и принес ей пачку сигарет с ментолом и зажигалку. Глубоко затянувшись, Анна сказала:

– Надо разобраться в проблеме. Когда ты узнал о том, что подкидыш? Лет в шесть. По Фрейду это фаллическая стадия развития, на которой и формируется Эдипов комплекс. У каждого ребенка на этой стадии неосознанное желание обладать родителем противоположного пола и одновременно устранить родителя одного с ним пола. И тут ты узнаешь, что твоя мать – вовсе не твоя мать. И чтобы удовлетворить свое желание, ты стал искать ее в каждой женщине подходящего возраста. И вот во что это вылилось: бесконечные романы с дамами, которые в два раза тебя старше. Ты хочешь доказать этой женщине, своей матери, что она была не права, когда тебя бросила. Вот он я, какой вырос, посмотри! Вот, мама, что я могу! Ты надеешься на то, что каждая женщина, с которой ложишься в постель – это она, и одновременно боишься этого. Ты ее ищешь, хотя и не отдаешь себе в этом отчета. Тебе страшно. Ты любишь и ненавидишь одновременно. А, главное, подсознательно хочешь отомстить. Ведь для твоей матери это будет страшным ударом. Ты думал о том, что будет, если ты ее таким вот способом отыщешь? Мир тесен.

– Что же мне теперь делать? – усмехнулся он.

– Бороться с этим, – пожала плечами Анна. – Я готова тебе помочь.

– Почему?

– Ну, может быть потому, что у меня тоже комплекс. Я испытываю склонность к молодым людям вроде тебя. Неудовлетворенный материнский инстинкт. У меня к тебе материнские чувства, дорогой ты мой.

– Но к счастью, я не твой сын. Хоть с этим повезло, – сказал он, откидывая одеяло и прыгивая с постели. Захотелось вдруг поскорее уйти из квартиры Анны, и забыть все, что она говорила. Он поспешно стал одеваться, заметив: – Есть простой способ разрубить этот узел.

– Какой же? – настороженно спросила Анна.

– Найти свою мать. Чтобы уже знать наверняка, что мне не грозит стать ее любовником. А пока я буду осторожен. Спасибо, что просветила. И пьеску эту вовремя показала. Пожалуй, я схожу в театр еще разок.

– А ты злишься, Монти. А причина?

Он уже оделся и теперь хотел только одного: уйти. Анна упрямо лезла ему в душу. Она пыталась нарушить царившую там гармонию. Меньше знаешь – крепче спишь. Но разве он теперь может спать спокойно?

– Причина, причина... – он занервничал. – Причина в том, что ты подошла ко мне слишком близко. Я не нуждаюсь ни в чьей заботе. Я не хочу знать, кто ты и что ты. Не хочу твоей помощи. Откуда я знаю, может, это способ такой, связать меня по рукам и ногам? Ты же психотерапевт! Вдруг ты решила выйти за меня замуж? Удовлетворить таким образом материнский инстинкт. Если я буду в тебе нуждаться, то, разумеется, соглашусь! Пациенты частенько женятся на своих лечащих врачах. Тоже инстинкт.

– А ты не дурак, – внимательно посмотрела на него Анна. – Умеешь просчитывать ситуацию. Но с другой стороны, выбор у тебя небольшой. Игра, в которую ты играешь, опасная. С женщиной, которая бросила тебя в роддоме, за двадцать пять лет всякое могло случиться. Выяснить, где она и что с ней, будет трудно.

– Ничего. Я постараюсь.

– А если ты ее найдешь, ты уверен, что большего не захочешь? Ты иногда себя не контролируешь. Вдруг захочешь убить своего отца?

– Это что, шутка?

– Отнюдь, – Анна была серьезна как никогда. Он разозлился, тоже всерьез.

– Хочешь сказать, что я псих?

Монти смотрел на нее, чувствуя, как в ушах шумит, а глаза словно туманом застилает. Ну, зачем она это сделала? Зачем надо было объяснять, что с ним происходит? Ведь он был так счастлив! И вот вам, пожалуйста! Законченный псих, которому она уже поставила диагноз. Якобы он хочет убить своего отца и спать с собственной матерью! Да он ее даже не знает! И не хочет знать!

– С тобой все в порядке?

Надо взять себя в руки. Не хватало еще доказать сейчас Анне всем своим поведением, что она права!

– Я уйду. Спасибо за спектакль. Очень интересно. Не провожай, я захлопну дверь.

– Надеюсь, мы еще увидимся? – крикнула вслед Анна.

– Конечно увидимся, – легко соврал он.

Потом, в машине, Монти долго раздумывал над ее словами. Раньше мысли о родной матери в голову не приходили. Был детский интерес, любопытство. Ведь ходит же она где-то! С кем-то живет. С мужем. Или с любовником. И, быть может, у него есть сводный брат или сестра. А отец? Его родной отец, кто он? Мысль об отце в голову не приходила. Ни разу. А сейчас он вдруг почувствовал укол ревности.

Нет, с этим надо что-то делать. Надо поговорить с ма и выяснить подробности. В роддоме должны знать, кто его настоящие родители. Есть тайна усыновления, но из любого правила есть исключение. Мальчик вырос. Он хочет узнать правду.

Спустя четыре месяца 27 августа, за полночь

Наконец, приехала прокуратура, и дело завертелось. Алексей действовал по принципу: всех впускать, никого не выпускать. До утра. До точки. Иначе говоря, до победного конца. Убийца среди посетителей ночного клуба, а их было всего девять, если исключить хозяина вечеринки, Монти. Один из его гостей мертв. Девять минус один и еще плюс один. Все равно на круг получается девять. Девять подозреваемых в убийстве. В первую очередь надо определить мотив. За что убили?

Перед Алексеем Леонидовым лежало три приглашения. Три одинаковые открытки, с розочками, золотое тиснение, да и текст тоже одинаковый. Он сличал текст, написанный от руки на всех трех открытках, одним и тем же почерком, и все больше приходил в удивление: «Дорогая мама, приглашаю тебя на свое двадцатипятилетие, которое будет праздноваться в ночном клубе „Дамские пальчики“ двадцать шестого августа. Просьба прийти к десяти часам вечера, адрес клуба прилагается». И подпись: Монти.

Одинаковый текст на всех трех приглашениях, буква в букву. Первое адресовано Нечаевой Наине Львовне. Та брюнетка, которая сразу же привлекла его внимание. За полчаса работы Алексею удалось кое-что выяснить. Со слов гостей Монти, один из которых – убийца. Но – один! Остальные ведь невиновны! И надо обращаться с ними соответственно. Вкратце о Нечаевой: сорок три года, не замужем, детей нет. Владелица модного журнала «Тело». Не читал, но слышан о таком. По телевизору несколько раз прогнали коротенькую рекламу. Надо бы купить экземпляр, узнать, что за издание. Для расследования полезно. Но он уже уверен: преступление будет раскрыто до утра. Убийца сейчас находится здесь. В этом клубе. Может быть, это сам именинник, а может, один из его гостей. Надо только вычислить его и задержать, представив веские доказательства. Либо дожать, и он сам признается.

Теперь о потерпевшем. При нем обнаружены водительские права и портмоне с наличными деньгами. Сумма незначительная, но в том же портмоне имеются кредитные карточки. Надо бы проверить счета покойного. Убийство из-за денег еще никто не отменял. Итак, потерпевший. Алексей нахмурился. Человек не бедный, судя по занимаемой должности. Лопухин Вячеслав Валентинович, юрисконсульт фирмы «Ясное поле». По названию села, откуда ее корни. Яснопопольский мясоперерабатывающий комбинат славится продукцией на всю страну. Леонидов в курсе. Тушенку жена не устает нахваливать. На дачу берет только ее, закупает каждый раз по двадцать банок. При умеренной цене – отличное качество! Так что ли, у них в рекламе? Владелец фирмы Рябов, это знают все. Тушенка от Рябова – отменное качество! Куриные консервы «Петушок» – от Рябова! Не пожалеете! Яйцо от Рябова! Не нахвалитесь! А Петр Николаевич Рябов, как, оказалось, посещает мужской стриптиз! Алексей невольно покопался вправо, где на низеньком диванчике спокойно сидел господин в отличном костюме, а на его запястье по-прежнему поблескивали часы известной фирмы. Алексей прикинул: костюм за две тысячи долларов, ботинки за пятьсот, часы за пятнадцать тысяч. Как минимум. Потом приплюсовал все это к стоимости бриллиантовых украшений на Людмиле Федоровне и невольно вздохнул. Интересно, во сколько миллионов оценивается состояние господина Рябова? Лицо Петра Николаевича не выражало никаких эмоций. Он не пытался звонить своему адвокату, требовать, чтобы его немедленно выпустили из клуба и вообще устраивать скандал. Отчего-то Петр Николаевич Рябов хотел дожидаться, когда ему назовут имя убийцы. Либо Алексей чего-то не понимает.

За каким чертом он сюда пришел? Не решился отпустить Людмилу Федоровну одну? Ведь именно ей адресовано второе приглашение. От ее бриллиантов Алексей до сих пор глаз не может отвести. Завораживает. Так и хочется спросить: это у вас хобби такое? Петр Николаевич Рябов – человек состоятельный. Весьма. Где его охрана, спрашивается? Служба безопас-

ности? Почему они вдесятером заперлись в этом зале? А Рябовы еще и дочку с собой привели! Девятнадцатилетнюю девушку, ту самую, с тонким, нежным личиком. Девушку, между прочим, зовут Асей. Тургеневское имя, и девушка такая же. Романтичная. И зачем она здесь? Ай да родители! Привели на – мужской стриптиз юную дочь! И как ле стыдно!

Третья дама, получившая приглашение – чопорная блондинка с правильными чертами лица. Ада Станиславовна Лопухина. Жена потерпевшего. А точнее: бывшая жена. Они с Лопухиным вот уже лет пять как в разводе. Обручальное кольцо она носит на левой руке. Итак, Ада Станиславовна Новинская – Лопухина. Сорок три года, имеет единственного сына. Двадцати двух лет. Станислав Вячеславович Лопухин. Сын где? Присутствует. Длинноволосый субъект с руками, перепачканными краской – ее сын? Гм-м-м... Не похож. Вот между ней и Монти есть определенное сходство. «Дорогая мама...». Отчего-то Алексей сразу подумал о ней. У этого Монти очень интересное лицо. Особенно глаза. Но у него глаза темные, как у Нечаевой, а у Ады Станиславовны голубые. «Дорогая мама...». Тьфу ты! Бред!

Итак, три одинаковых приглашения. На двадцатипятилетие известного в определенных кругах стриптизера. В ночной клуб «Дамские пальчики». «Дорогая мама, приглашаю тебя...» Могла женщина нанести три удара мужчине тяжелой бронзовой статуэткой? В состоянии аффекта, в запале, могла запросто! Дело за мотивом. За что она могла нанести потерпевшему три удара по голове? «Дорогая мама, приглашаю...» Две пришли с мужьями, одна, правда, с бывшим, и одна дама со спутником. Дмитрий Сергеевич Сажин. С ним в кабинете владельца клуба сейчас беседует следователь прокуратуры. В крохотном холле, что находится за дверями этого зала, коллега Леонидова допрашивает Марию Казимировну Новинскую. Еще одна любительница мужского стриптиза! Шестьдесят лет, а туда же! Что творится, а? Подумать только, что творится! Мир сошел с ума! Пенсионеры идут на стриптиз!

А перед Алексеем Леонидовым сидят три женщины, у каждой из которых приглашение на этот вечер. «Дорогая мама...»

И Алексей непонимающе спросил:

– А почему в трех экземплярах? У него что, три матери?

Дамы переглянулись. Заговорила брюнетка, Нечаева:

– Видите ли, это странная история. Мы были молоды...

Она вдруг замолчала.

– И что? – спросил Леонидов.

– Мы были молоды, – повторила Нечаева. – И глупы. Неосторожны. Одна из нас родила ребенка. И мы решили скрыть правду. Все равно ведь мальчика оставили в роддоме и вскоре его усыновили. Мы принесли ребенка втроем и так и не признались, кто его мать. Никогда не думала, что всплывет эта история. Получила приглашение и очень удивилась.

– Значит, вы – его мать?

– Как раз это мы и выясняли с десяти часов вечера, – довольно-таки уклончиво ответила Нечаева.

– И что? Выяснили?

– Видите ли...

Она вновь замолчала. Алексей заглянул в свои записи:

– Наина Львовна, так? – женщина кивнула. – Почему же вы все-таки пришли на юбилей?

– Потому что я знакома с этим молодым человеком, – побледнев, сказала Нечаева. – То есть мы все некоторым образом с ним знакомы...

– Ну, разумеется, – усмехнулся Алексей. – Ведь одна из вас его мать, а две другие – сообщницы, помогавшие скрыть правду.

– Вы не так поняли, – устало сказала Нечаева. – Нашему вторичному знакомству вот уже несколько месяцев. Но никто из нас троих понятия не имел, что Монти – это тот самый мальчик, которого мы оставили в роддоме! Не имел до сегодняшнего вечера! То есть, до того

момента, как он вручил нам эти приглашения. То есть, прислал. По почте. Извините, я волнуюсь. Поверьте, это было для нас ударом... – Она замялась и посмотрела на своих сообщниц. Ада еле заметно кивнула, Людмила всхлипнула. И Нечаева продолжала говорить за всех: – Мы принесли его в роддом двадцать шестого августа, через несколько дней после родов. Он родился чуть раньше срока. Недели на три. Это я так, к слову. Но в его документах дата рождения – именно двадцать шестое августа. Мария Казимировна сказала, что мы должны забыть об этой истории и об этом мальчике. Она поступила так, как считала нужным. Единственный человек, который не имеет ко всему этому никакого отношения, как ни странно, покойник. Лопухин. Ада познакомилась с Вячеславом, когда история с брошенным младенцем давно уже осталась в прошлом. Слава – человек посторонний, в то время как Дима и Петя, то есть, Дмитрий Сергеевич и Петр Николаевич некоторым образом принимали участие...

– То есть? – вновь не понял Алексей.

– Я встречалась с Димой двадцать пять лет назад, а Люся с Петром. Вы понимаете, что именно я имею в виду.

– То есть, один из них может быть отцом этого... – Алексей замялся и щелкнул пальцами. Потом с насмешкой сказал: – Монти.

Женщины вновь переглянулись. Круговая порука. И до сих пор. Нечаева пожала плечами. Людмила Федоровна в ужасе посмотрела на диванчик, где, закинув ногу на ногу, сидел ее супруг. Алексей начал догадываться, чего дожидается Петр Николаевич Рябов. Не имя убийцы Лопухина он хочет узнать. Имя, но другое. Он хочет узнать, кто отец этого Монти. У преуспевающего бизнесмена сын-стриптизер? Оставленный в роддоме? А ведь это скандал! Понятно, почему они молчат. По крайней мере, понятно, почему молчит Людмила Федоровна. Алексей пригляделся. Между ней и Монти нет ни малейшего сходства, а вот у Петра Николаевича в юности волосы, похоже, вились. Эта волнистая прядь на лбу... Тьфу! Наваждение какое-то!

– Прошло двадцать пять лет, – жестко сказала Нечаева. – Все сроки давности вышли. Лично я не чувствую за собой вины. Мы поступили так, как того требовали обстоятельства.

При этих словах Ада Станиславовна как-то странно посмотрела на свою подругу. Алексей оглянулся. Где оно там, «обстоятельство»? В черных кожаных штанах и белоснежной рубашке? За кулисами, где его сторожит сержант милиции. Потому что, как ни крути, Монти – подозреваемый номер один. Он – стриптизер, человек, ведущий беспорядочный образ жизни, погрязший в разврате, а все остальные – порядочные люди.

– Я не понимаю, при чем здесь Слава, – всхлипнув, сказала Людмила Федоровна. – Уж если карать, то нас. Я признаю. – Она еще раз всхлипнула. – Виновата.

– А она еще сказала, что отдала мальчика в хорошие руки! – не удержалась Ада Станиславовна от выпада в адрес своей тетки. – А из него вон что получилось! Стриптизер! – презрительно добавила она.

– Монти – хороший парень, – возразила Нечаева.

– Ну да! Кому как не тебе это знать! – съязвила Ада Станиславовна.

– Замолчи!

– Что вы имеете в виду? – тут же вцепился в Лопухину Алексей. Но та поджала и без того тонкие губы и замолчала, как ей и советовала Нечаева.

– Значит, вы трое имеете отношение к этой истории с брошенным ребенком, – сделал вывод Алексей. – А также Мария Казимировна, которая его взяла и отдала на усыновление. И двое мужчин, Петр Николаевич и Дмитрий Сергеевич тоже, некоторым образом причастны. А убит Вячеслав Валентинович Лопухин. Ваш бывший муж, как я понял, Ада Станиславовна?

Надменная блондинка спокойно кивнула. Ни слезинки не проронила, надо же! Сидит, как ледяная статуя! Сразу видно, что отношения между ней и бывшим мужем были напряженными. Она не скорбит, ничуть. Быть может, радуется втайне, что бывший супруг теперь мертв. А быть может и ручку к этому приложила. Алексей посмотрел на тонкие пальчики дамы и

представил, как Ада Станиславовна сжимает в руке талию бронзового парня, и, замахнувшись, лупит им обидчика. Раз, два, три... А что? Вполне!

– Я не вижу, чтобы кто-нибудь из присутствующих в этом зале огорчился, – не удержался Алексей.

– Мы все недолюбливали Славу, – сказала Нечаева опять-таки, за всех. – Но не настолько, чтобы захотелось вдруг его убить. Не было причины.

– А сами вы, когда познакомились с потерпевшим? То есть, с Лопухиным?

– Я? – пожала плечами Наина Львовна. – Как и все: на свадьбе.

Двадцать лет назад

Ная

Затея с археологической экспедицией провалилась с самого начала. Надежды, которые возлагала на нее Ная, не оправдались. Полтора года она моталась по раскопкам, не чувствуя ни малейшего интереса к тому, чем занимается. То, что издалека, из столицы, выглядело таким романтичным, на деле оказалось тяжелой, монотонной работой. А, главное, грязной. Песок был везде, даже на языке, поначалу Ная все время полоскала рот, чтобы от него избавиться, но потом махнула на это рукой. Со временем она перестала замечать, что вместе с пищей во рту находятся песчинки. Пришла зима, но снег, разумеется, не выпал. Снег, к которому она привыкла. В пустыне стало холодно, особенно по ночам, но работу из-за этого никто не отменял. Ная проклинала себя. Надо было сдавать сессию вместе с подругами, а не уходить в академку! Авось проскочила бы! Как глупо она поступила! Ее романтический пыл заметно охладился. Она быстро повзрослела, но время, увы, было потеряно! «Дура я дура», – ругала себя Ная, сидя вечером у костра. Раньше ей казалось, что это так романтично! А теперь? Кто-то пел: «А я еду, а я еду за туманом...» Не то чтобы в тему, но все о том же: о романтике. Тайгой здесь, слава богу, и не пахло. На тайгу Ная в детстве насмотрелась. Но с чего она взяла, что в пустыне все будет по-другому? Вся разница в климате. Там холодно, здесь жарко. Но любая экспедиция – это прежде всего грязь, плохое питание, бытовые неудобства. Уж кому-кому, а женщинам здесь точно делать нечего! А красивым женщинам тем более! Кожа огрубела, волосы засалились, губы потрескались, и ей уже было не до поцелуев. Помыться бы!

С бородатым археологом у нее ничего не вышло. Какая может быть любовь в этих ужасных бытовых условиях? Когда помыться толком негде и все время песок на зубах скрипит! Ная злилась на него все за то же: за романтику. Ему, действительно, все это нравилось, черт его возьми! Археолог принадлежал к породе бродяг, которым все равно, где спать и что есть. И не задумываясь о том, что любимая женщина тянется к уюту и домашнему очагу. И что ей надо решать свои маленькие женские проблемы и хотя бы два раза в неделю мыть голову. А с волосами Ная мучилась, как никто другой! Ее роскошная черная грива требовала ухода. Даже когда, придя в отчаяние, она отрезала толстую косу, густые волосы все равно доставляли массу хлопот.

Она не раз вспоминала Диму. Чем эта романтика лучше общежития, в котором они бы оказались, если бы поженились? В конце концов, дали бы им маленькую комнатку, но с удобствами, душевая всего-то через коридор! А там горячая вода. Горячая вода! Ная даже застонала в своем спальном мешке. Вода! Вот истинная ценность! А все эти черепки – чушь собачья. Ничего-то они толком не нашли! Никаких древнейших поселений! По версии начальника экспедиции здесь когда-то была вода, вместо песков – цветущие сады. И люди, которые здесь жили, якобы общались с инопланетянами. Строили посадочную площадку для межпланетных кораблей. Члены экспедиции буквально землю рыли, то есть песок, в поисках этой площадки, да так ничего и не нашли. А жаль. Сейчас мода на всю эту аномалию. Летающие блюдечки, пришельцы, сигналы с далеких звезд. Какая чушь! Кандидат наук, который возглавляет экспедицию, вернувшись, засядет за докторскую диссертацию. Ная пыталась, было, с ним заигрывать, но он самый настоящий фанатик и сухарь. Влюблен в археологию. Что ему женщины?

Нет, пора возвращаться. А куда? Восстановиться в институте будет трудновато. Надо сдавать материал за первый курс. Либо все сначала. Вот тебе и съездила за запахом тайги! Полтора года потеряла! А как, интересно, поживают подружки? Ада пишет, что родители скоро

возвращаются из загранкомандировки и что она немного побаивается. Дуреха! Чего бояться? Подумаешь, уже не девственница! Нынче это не актуально. Восьмидесятые на дворе! О тайных родах на даче никто не узнает, не в интересах бабушки Ванды об этом рассказывать, да и Мария Казимировна будет держать язык за зубами. Она – кремень! Сказала как отрезала. Но к Аде теперь не подкатишься. Ее родители – люди строгих правил. И у них свои виды на трехкомнатную квартиру. Деньжищ заработали, теперь будут единственную дочку замуж выдавать, наверняка затеют размен. И почему ей, Нае, так не повезло с родителями? Как хочется побыть принцессой! Чтобы кто-то решал все твои проблемы! Нет, вариант с Адой не проходит.

А Люся теперь одна, тоже в трехкомнатной. Судя по последнему письму, замуж так и не вышла. Петя к ней заходит, но скоро он окончит институт и уедет в свой колхоз. Разве что к ней напроситься? Пожить годик-другой. Она бы платила за комнату. Платила с чего? И Ная вновь скрипнула зубами. «Это все песок...» – привычно подумала она и перевернулась на бок. – «Песок...».

На следующий день она подкатилась к начальнику экспедиции. Присела рядышком с загадочной улыбкой и вкрадчиво поинтересовалась:

– Что, Семен Ильич, диссертацию собрались писать?

– А? Что? Ага, – буркнул тот, не отрываясь от своих черепков.

– Как это, должно быть, интересно!

– Вам действительно интересно? – кандидат наук, худой, сутулый мужчина в очках с толстыми стеклами, впервые поднял на нее глаза.

– Ну, конечно!

Нае хотелось его разговорить. Растормошить, завести. А ну как выгорит? Общее дело, оно объединяет. Хорошо было бы выскочить замуж за доктора наук! В том, что начальник экспедиции защитит докторскую диссертацию, она лично нисколько не сомневалась. Фанатик!

Он заговорил, и говорил много. Она слушала. День слушала, два. Неделю. И все еще надеялась: по возвращении в Москву будущий доктор археологических наук сделает предложение. Даже на вокзале, когда поезд остановился у перрона, все еще надеялась. Вот сейчас он скажет:

– Наина Львовна, поедemте ко мне домой, и там я продолжу свой увлекательнейший рассказ. Вы так замечательно слушаете, что я готов всю оставшуюся жизнь делить с вами мою жилплощадь и заработную плату.

О, черт! Неужели она себя выдала? И археолог все это давно уже понял? Что не нужны Нае ни он сам, ни его черепки. Только московская прописка, квартира и деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.